

ЗАМОК ИЗ ТУМАНА

Васильева Ирина

CHIMERA

Ирина Васильева
Замок из тумана

«Автор»

2026

Васильева И.

Замок из тумана / И. Васильева — «Автор», 2026

Толик Холодов — призрак в собственной школе. Для одноклассников он просто тень в надвинутом капюшоне, мальчик с задней парты, который пишет странные стихи и моет чужие машины на автомойке, чтобы не просить денег у родителей. Его мир состоит из ржавчины, гулких коробок девятиэтажек и тяжелой музыки, рвущейся наружу сквозь дешевые наушники. Он называет свой проект «CHIMERA», потому что сам является чудовищем — сплавом северной тоски и южной ярости, которого не должно существовать. Всё меняется в один день, когда в его стерильный черно-белый мир врывается Алиса — девочка-солнце из обеспеченной семьи, пахнущая яблочным шампунем и свободой. Между ними вспыхивает искра такой силы, что плавится лед их реальности. Но у них есть только одно лето. Когда семья Алисы внезапно переезжает на Юг, забирая её свет с собой, Толик остается замерзать в вечной зиме своего города. Но как заморозить боль, которая слишком велика для одного человека?

© Васильева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпиграф	5
Часть I. Замок из тумана.	6
Глава 1. Заметки на экране блокировки.	6
Глава 2. Физика конденсации.	13
Глава 3. Геометрия отчуждения.	19
Глава 4. Архитектура пустоты.	23
Глава 5. Эхо в одеяле.	28
Глава 6. Студия одного актера.	32
Глава 7. Бумажный самолетик в никуда.	35
Глава 8. Тепло пластика.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ирина Васильева

Замок из тумана

Эпиграф

В основе данной книги использованы отрывки текста из песни: "Плачут небеса".

Часть I. Замок из тумана.

Глава 1. Заметки на экране блокировки.

Сентябрь в этом городе всегда пах одинаково: прелой листвой, остывающим асфальтом и едва уловимым привкусом безысходности, который приносил ветер с местного химкомбината. Для всех остальных это была просто осень — пора свитеров, горячего чая и начала учебного года. Для Анатолия Холодова этот запах был запахом бетонного саркофага, в котором медленно угасает молодость.

Толик ненавидел свое имя. Анатолий звучало как приговор районного военкомата или диагноз терапевта. Оно было слишком официальным для парня, чья главная жизненная стратегия заключалась в том, чтобы не отсвечивать. Поэтому он сократил себя до Толика — чего-то мягкого, бесформенного, легко затирающегося в памяти.

Его крепостью, его добровольной камерой-одиночкой стала старая девятиэтажка серии П-44 на окраине спального района. Дом стоял торцом к промзоне, и по вечерам стена квартиры заливалась болезненно-оранжевым светом от заводских прожекторов. Квартира досталась родителям еще в девяностые, и время здесь словно застыло в янтаре: выцветшие обои в коридоре, скрипучий паркет, который жаловался на жизнь при каждом шаге, и вечный сквозняк из щелей старых деревянных рам.

Но у Толика была своя территория. Его комната выходила окнами во двор-колодец. Вид открывался удручающий: ржавая детская площадка, покосившаяся грибок песочницы, где давно никто не играл, и бесконечные ряды таких же серых коробок напротив. Но именно эта тотальная серость давала ему право рисовать внутри головы любые цвета.

Сейчас было около восьми вечера. Родители смотрели на кухне телевизор — звук старого «Самсунга» гулким эхом разносился по хрущевской планировке. Толик сидел на подоконнике, поджав ноги. На нем был надет объемный худи темно-серого цвета, капюшон которого он натянул так глубоко, что край ткани закрывал верхнюю губу. Это была его броня. Капюшон отрезал лишние звуки, приглушал свет лампочки и создавал иллюзию невидимости. Если ты спрятан, мир не может тебя ранить.

В руке он сжимал смартфон. Старый, потертый, с трещиной через весь экран, которая расплзлась паутиной после того, как Толик неудачно сел на него прошлой зимой. Телефон был продолжением его руки. И главным инструментом пытки.

Приложение называлось непритязательно — «Заметки». Стандартная утилита, синяя иконка со стилизованным карандашом. У большинства людей там хранились списки покупок или номера телефонов курьеров. У Толика там жила душа.

Он открыл последнюю запись. Название файла состояло всего из одной цифры — «07». Седьмой трек за этот месяц. Предыдущие шесть были стерты жестким нажатием пальца, потому что казались ему фальшивыми, пластиковыми подделками. А седьмой... седьмой получался настоящим. Болезненным.

Экран осветил бледное лицо Толика. Подростковая кожа, вечно обветренные губы, которые он нервно прикусывал, когда искал рифму. Темные круги под глазами — следствие ночей, проведенных не за учебниками, а за попытками уложить рваный ритм битов в строчки.

«Я так хотел жить мечтой, слепо доверяя своим, не верил глазам миллионы раз», — прочитал он про себя первую строчку.

Пальцы забегали по сенсорному стеклу, выбивая дробь:

Куплет 1:

Этот город глотает людей, как дешевый портвейн,

*Здесь каждый второй либо мент, либо ищет момент.
А я рисовал на тетрадном листе свой Эдем,
Где мы улетаем, оставив долги и проблем процент.
Я строил наш замок из пара, из влажных небес,
Фундамент — надежда, карниз из несбывшихся грез.
Мне говорили: "Толян, ты попутал замес",
Но я собирал твою тень из осколков чужих звезд.*

Толик остановился. Стер слово «грез». Слишком слащаво, слишком попсово. В их районе за такие слова могли засмеять даже свои. Он заменил на «обломков».

Музыка рождалась первой. Не мелодия, нет — Толик не умел играть ни на чем, кроме кнопок громкости. Ритм. Бит пробивался прямо в грудную клетку, заставляя сердце сбиваться с привычного такта. Он качал головой в такт невидимому драм-компьютеру, прикрыв глаза. Бум-ц-ч... бум-ц-ч... Прямая бочка, глухая и тяжелая, как шаги отца в прихожей, и высокий, звенящий снэйр, похожий на щелчок зажигалки.

На эту сетку он набрасывал слова. Его рэп не был агрессивным уличным флоу о деньгах и стволах. Это была тихая, вязкая тоска. Лоу-фай исповедь человека, запертого в собственном теле.

Он снова перечитал начало. *«Я так хотел жить мечтой...»*

Это началось полгода назад. Обычный вторник, продленка смылась сама собой из-за контрольной по химии, которую Толик все равно бы завалил. Он вышел из школы, сунув руки в карманы широких штанов. Октябрьский ветер швырял в лицо горсти мокрого снега пополам с пылью.

Она стояла под козырьком автобусной остановки. Автобусы ходили редко, маршрутки брали штурмом, поэтому толпа на остановке напоминала осаду крепости. А она стояла чуть в стороне.

У нее не было зонта. Дождь мочил ее волосы, но она, казалось, этого не замечала. Она смотрела куда-то сквозь дома, и на ее лице играла такая легкая, почти прозрачная улыбка, будто она видела что-то, недоступное остальным. Может быть, представляла себе море. Или Париж. Или просто конец этого дня.

Свет фонаря падал на нее сверху, прорезая сизую морось. В этом желтом луче капли воды превращались в золотую пыль. Толик замер. Он забыл, как дышать. Весь шум города — визг тормозов, мат дворников, лай собак — вдруг выключили, выкрутив ручку громкости на ноль. Осталась только она и дождь.

Она была одета нелепо для такой погоды: легкое драповое пальто кофейного цвета, которое уже потемнело от влаги на плечах, и смешные ботинки на толстой подошве. Из-под копны темных волос виднелся проводок наушника.

Толик сделал шаг вперед. Просто инстинкт тела, желание оказаться ближе к источнику этого света. Наступил в лужу. Хлюпнуло громко, мерзко, предательски. Девушка вздрогнула и обернулась.

Их взгляды встретились. Моргнули. Разошлись.

Она скользнула по нему равнодушно, как по части пейзажа — такому же серому, как забор за ее спиной. Перевела взгляд на дорогу.

Но для Толика этот миг растянулся на часы. Он успел рассмотреть россыпь веснушек на ее переносице, маленькую родинку у левого уголка губ и то, как дрожат ее ресницы.

Автобус подошел спустя вечность. Она зашла последней, придерживая полы пальто. Обернулась еще раз, уже стоя на ступеньках, и на секунду задержала взгляд на его промокших кедах. Уголки ее губ едва заметно дрогнули — не улыбка, а лишь намек на нее. Двери закрылись.

И вот теперь, сидя на холодном подоконнике в сентябре, Толик прокручивал этот кадр в голове миллионы раз. Как старую VHS-кассету, которая поскрипывает от частого просмотра.

«...слепо доверяя своим, не верил глазам миллионы раз».

Он действительно не верил. Когда она исчезла из школы неделю спустя, он сначала решил, что ей нездоровится. Потом — что перевелась в гимназию. Он спрашивал у одноклассников, делая вид, что просто заполняет анкету для школьной газеты. Ему сказали сухо: «Лисицина? Да вроде переехала предки. Батя у нее военный».

Военный. Слово прозвучало как выстрел. Военные не живут на одном месте. Они приезжают, оставляют воронку в твоей реальности и уезжают дальше строить полигоны.

Толик остался один на пепелище своей мечты. Мечты, которой не успело исполниться и одного дня.

Он тряхнул головой, прогоняя наваждение, и вернулся к экрану телефона. Вторая строчка трека ждала своего часа.

«Я так хотел быть с тобой рядом, а не с краю».

Это была самая честная строчка из всех им написанных. Вся суть его жизни. Толик всегда был человеком края. Краешек парты в классе. Краешек скамейки во дворе. Человек-тень. Он научился сливаться со стенами настолько мастерски, что учителя порой вызывали родителей, сетуя на то, что мальчик совсем не проявляет инициативы. Мать плакала, отец молча курил на балконе. А Толику просто было комфортно в тени. Там ничего не болело. Пока не появилась она.

Когда она вошла в их класс (новенькая, середина третьей четверти), солнце, кажется, стало светить иначе. Лучи били в окна кабинета физики, и пылинки в них танцевали медленнее. Она села за вторую парту среднего ряда. Толик сидел на задней, у стены. Между ними было расстояние в пять метров и пропасть в целую вселенную.

Он начал совершать безумные поступки. Ради возможности сесть «не с краю». На уроке литературы задали читать стихи. Вызвали отличницу, потом двоечника, очередь двигалась к двери. Толик почувствовал, как вспотели ладони под коленями. Сердце колотилось где-то в горле.

— Холодов, — произнесла учительница, не поднимая глаз от журнала. — Что-нибудь из Серебряного века.

Класс напрягся. От Толика ждали очередной двойки и глупого молчания.

Он встал. Ноги были ватными. Капюшон он тогда тоже не снял, хотя в классе было душно.

Он не читал Есенина или Блока. Он смотрел на нее. И начал говорить. Свои слова. Рваные, сырые, без рифмы, но с таким чувством, что математичка за соседней стеной перестала стучать мелом.

Про серый асфальт, который становится золотым, если на него смотришь снизу вверх. Про птиц, которые знают путь домой, а люди — нет. Про одиночество стекла.

Он говорил и смотрел только на нее. Она подняла голову от книги. Слушала. Впервые за месяцы их косвенного знакомства она слушала *его*.

Когда он закончил, в кабинете висела тишина. Учительница литературы сняла очки.

— Это... экспрессивно, Холодов. Садись. Четыре. За смелость.

Он шел на свое место, чувствуя, как горят уши. Он прошел мимо ее парты. Почувствовал слабый аромат ее шампуня — какой-то яблочный, детский, неуместный в суровой атмосфере средней школы. Она посмотрела на него. Не равнодушно. Изучающе.

В тот вечер он дописал куплет про «быть рядом, а не с краю».

Пальцы снова забегали по экрану. Текст песни требовал развития. Боль нужно было упаковать в форму, иначе она разорвет его изнутри.

Привет:

Плачут небеса о любви и мечте,

*Плачут небеса о тебе, о тебе.
Плачут небеса, разливаясь дождем,
Знают небеса, мы с тобой не вдвоем.*

Он повторил припев вслух. Шепотом, почти беззвучно, одними губами. Голос сорвался на последнем слове, превратившись в сипение. «Не вдвоем». Горькое, как таблетка аспирина.

За окном окончательно стемнело. Заводские трубы перестали дымить, погрузившись в ночное дежурство, но оранжевое зарево от их подсветки стало еще ярче, заливая комнату мертвенным марсианским цветом. В этом свете капюшон худи Толика отбрасывал глубокую черную тень на его лицо, оставляя видимыми только пальцы, судорожно сжимающие телефон, и поблескивающие белки глаз.

Он жил в этой комнате, но мысленно никогда не покидал той автобусной остановки. Он построил там замок. Огромный, воздушный, сотканный из пара его дыхания и отражений в лужах. В этом замке они жили вместе. У них не было денег, зато была огромная коллекция музыки. Они гуляли под дождем, не прячась, и смеялись, когда вода затекала за шиворот. В его замке из тумана не существовало военных переводов, отцовского ремня и запаха хлорки в школьном туалете. Была только любовь, от которой хочется гореть.

«Хотел гореть от любви, к сердцу прижимая, хотел не слышать твоих равнодушных фраз».

Равнодушные фразы. Последняя встреча перед ее отъездом случилась случайно, у хлебного ларька. Толик стоял в очереди за нарезным батоном. Она вышла из дверей магазина, столкнувшись с ним нос к носу. Пакет с хлебом выпал из рук Толика.

— Ой, прости, — сказала она, наклоняясь за пакетом одновременно с ним. Их руки столкнулись на пластиковом боку батона.

Кожа к коже. Ее ладонь была ледяной.

— Ничего, — просипел Толик, глядя куда-то в район ее ключиц.

Они выпрямились. Пауза затягивалась, становилась свинцовой.

— Ты ведь Толя, да? Из «Б»-класса? — спросила она.

Он кивнул. Язык отказывался работать.

— Мне нравится, как ты читаешь стихи, — сказала она. Сказала просто, буднично, как сообщают прогноз погоды. — У тебя очень... настоящий голос.

Это был шанс. Господь Бог, инопланетяне и администрация президента дали ему микрофон и сцену размером в три квадратных метра у ларька с надписью «Свежая выпечка». Нужно было просто сказать: «Давай встретимся завтра? Давай погуляем? Я люблю тебя, хотя мы знакомы два месяца?»

Но Толик привык быть человеком края. Люди края не берут то, что им дают. Им кажется, что это ошибка, недоразумение, что сейчас настоящая хозяйка вещи придет и заберет ее.

— Спасибо, — сказал он. — Тебе тоже... нормальные береты идут.

Сказал и тут же захотел провалиться сквозь асфальт, вернуться обратно в утробу матери и вообще не рождаться. Береты. Какой идиот. Она пришла в обычной шапке.

Она удивленно моргнула. А потом вежливо, профессионально-вежливо, как кассир в конце смены, улыбнулась. Той самой улыбкой, которая не касается глаз.

— Ну, я пойду. Родителям надо помочь.

— Ага, — кивнул Толик.

Она развернулась и пошла прочь. Быстро, не оглядываясь. Ее каблучки цокали по разбитому тротуару отрывисто и четко.

Вот они, те самые равнодушные фразы. Не злые, не жестокие. Именно равнодушные. Они убивают надежнее ножа, потому что нож оставляет рану, которую можно показать врачу. Равнодушие оставляет пустоту. Черную дыру в груди, которая всасывает в себя всю радость мира.

Толик ударил кулаком по подоконнику. Старая краска посыпалась на батарею. Боль физическая немного отрезвила боль душевную.

Он посмотрел на текст. Куплет почти готов, но ему не хватало финала. Нужен был образ, который свяжет его личное горе с чем-то глобальным. Небо. Небо всегда плачет вместо тех, кто сам не может выдавить слезу.

Он перешел к следующей заметке. Рабочий файл назывался «Бит_Дождь.wav». Толик подключил дешевые вакуумные наушники. Нажал плейс.

Комната заполнилась звуком. Глубокая, тягучая басовая линия легла на дно живота. Поверх нее сыпался высокочастотный хай-хэт, имитирующий шум ливня по оцинкованному подоконнику. И поверх всего — одинокое пианино. Мелодия была простой, минорной, сыгранной кем-то в замедленном темпе. Каждая клавиша утопала в реверберации, создавая ощущение огромного пустого зала.

Идеально.

Толик закрыл глаза, покачивая головой. Он больше не был Толиком Холодовым, неудачником с задней парты. Он был проводником. Антенной, принимающей сигнал скорби напрямую из космоса.

«Я сам построил для нас замок из тумана, но вот пришел этот день без твоих глаз».

День без твоих глаз. Самое страшное утро в его жизни. Первое сентября. Он вошел в школу, ожидая увидеть ее силуэт в толпе. Глаз автоматически сканировал лица. Вот рыжая Ленка. Вот баскетболист Димка. Вот старшеклассницы смеются над чем-то.

Ее не было.

Он прошел на первый этаж. Посмотрел на расписание. Восьмой «Б». Список учеников. Палец скользил по фамилиям. Петров, Птицын, Романова...

Лисицына Алиса. Вычеркнуто. Красной ручкой. Жирно, так что бумага порвалась.

В этот момент погас свет. Во всей школе вырубил электричество. Кто-то вскрикнул, захлопотала упавшая швабра уборщицы. Толик стоял в темноте школьного холла, зажатый между чужими рюкзаками, и понимал, что тьма снаружи идеально соответствует тьме внутри. День пришел. Тот самый день. Без твоих глаз.

Телефон в руках завибрировал. Входящее уведомление. Экран резанул по глазам. Толик вздрогнул, возвращаясь в свою комнату, в сентябрь, в оранжевый свет завода.

Это было сообщение от физички. Группа класса в мессенджере. Напоминание про завтрашнюю лабораторную.

Толик смахнул уведомление. Открыл заметку с текстом. Курсор мигал в конце строки, требуя продолжения банкета боли.

Он должен был дописать этот трек. Должен был вытащить из себя всю эту гниль, весь туман разочарования и превратить его в звук. Потому что если он этого не сделает, замок рухнет прямо ему на голову, погребя под своими эфемерными сводами остатки его воли.

Он взял карандаш со стола — обычный грифель, которым делал пометки в учебнике геометрии. Сунул в рот, прикусил кончик. Старая детская привычка, помогающая думать.

Дерево отдавало горьким вкусом лака.

Что дальше? Припев уже есть. Он станет рефреном, молитвой этой осени. Куплеты рассказывают историю падения. Значит, нужен бридж. Часть песни, где меняется темп, где музыка становится прозрачной, давая слушателю выдохнуть перед финальным ударом.

Бридж — это мост. Мост между «тогда» и «никогда».

Толик отложил карандаш. Потянулся к окну и дернул шпингалет. Створка со скрипом поддалась, впуская в комнату сырой воздух улицы. Запах пыли и увядания. Ветер взлохматил волосы под капюшоном.

Он высунулся в форточку, глядя вверх. Небо было низким, тяжелым, прижатым к крышам многоэтажек. Ни единой звезды. Только грязно-серая пелена.

— Плачь, — прошептал он в темноту. — Плачь за меня. Я разучился.

Небеса ответили порывом ветра, бросившим в лицо горсть мелких капель. Где-то далеко, наверное, в центре города, уже начинался обещанный синоптиками ливень.

Толик вернулся к телефону. Сел ровнее, выпрямив спину впервые за три часа. Капюшон слегка съехал назад, открывая лоб. Лицо в свете экрана выглядело старше своих шестнадцати лет.

Он напечатал заголовок новой заметки: «Bridge_Leto_Zima».

«Среди пустых серых дней ты мой лучик света...»

Да. Даже когда она ушла, даже когда присылала равнодушные сообщения типа «как дела? норм», она оставалась единственным источником тепла. Мысль о ней грела лучше батареи центрального отопления, которая в их доме традиционно включали только после ноябрьских праздников.

«...и знаю я, ты не спишь, как и я, сейчас».

Эта уверенность была иррациональной. Откуда он мог знать? Но он чувствовал это кожей. Чувствовал, что там, за сотни километров, где сейчас наверняка тепло и цветет что-то южное, она лежит в кровати и смотрит в потолок. И думает о дураке в капюшоне, который рассыпал батон у хлебного ларька.

«Но у тебя впереди солнечное лето, а я замерзну в зиме без твоих глаз».

Контраст. Лето и зима. Солнце и вечная мерзлота. Он прописывал себе приговор. Он знал, что без нее любое время года будет для него полярной ночью.

Текст был готов.

Толик нажал кнопку записи на диктофоне. Приложил один наушник к уху, чтобы слышать бит. Второй оставил болтаться на шее.

Он набрал в легкие воздуха. Выдохнул. Попытался расслабить челюсти, которые ныли от напряжения.

Микрофон телефона был плохим. Он шипел, срезал низкие частоты и делал голос плоским. Но Толику было плевать. Он не собирался выпускать этот трек на лейбле. Этот трек был письмом. Бутылкой, брошенной в океан.

— Раз, — шепнул он. — Два. Проверка.

Голос звучал хрипло.

Он качнул головой в такт вступающему пианино. Закрыв глаза. И начал читать.

Шепот сменился напором. Он вбивал слова в мембрану микрофона, чеканя согласные.

«Я так хотел жить мечтой, слепо доверяя своим...»

Голос дрогнул на слове «доверяя». Пришлось сделать микро-паузу, сглотнуть комок.

«...не верил глазам миллионы раз».

Он представил ее лицо. Веснушки. Проводок наушника.

«Я так хотел быть с тобой рядом, а не с краю...»

Тут он добавил отчаяния. Почти крик, сдавленный капюшоном.

Он читал куплет за куплетом, погружаясь в транс. Комната исчезла. Серая девятиэтажка исчезла. Исчез запах завода. Был только бит, его сорванный голос и черный текст на синем фоне.

Когда он дошел до бриджа, голос почти пропал. Он говорил полупшепотом, вкладывая в каждое слово столько интимности, будто признавался в любви лично ей, склонившись к самому уху:

«Среди пустых серых дней ты мой лучик света...»

Закончив последний слог, Толик замер. Палец завис над кнопкой «Стоп». В комнате повисла густая, звенящая тишина, нарушаемая лишь гулом холодильника на кухне и далеким воем сирены.

Он прослушал запись.

Из динамика телефона его собственный голос звучал жалко и одновременно величественно. Фантомные боли расставания материализовались в цифре.

Толик откинулся затылком на холодную стену. Глаза были сухими. Внутри всё выгорело дотла. Осталась только тонкая нить накаливания, готовая лопнуть от любого сквозняка.

Он посмотрел в окно. Дождь усилился. Крупные капли тяжело барабанили по отливу, стекая кривыми ручейками по стеклу. Оранжевый свет завода преломлялся в воде, окрашивая струи в апельсиновый сок.

Замок из тумана стоял прочно. Он выдержал бурю первого куплета.

Толик провел рукой по лицу, стирая испарину. Достал из кармана худи смятый полиэтиленовый пакет, в котором лежала шоколадка — единственная сладость, которую позволяла себе семья. Развернул фольгу. Шоколад был горьким, почти несъедобным, но сейчас вкус показался ему самым ярким ощущением за весь день.

Жизнь продолжалась. Завтра физика. Лабораторная работа номер четыре: «Определение влажности воздуха».

Толик усмехнулся уголком рта. Идеальная тема. Он посмотрит на барометр в кабинете, увидит падение давления и подумает, что небо готовится плакать. О любви. О мечте. О ней.

Он сохранил аудиофайл. Назвал его сегодняшним числом.

Затем переключился на главную заметку с текстом. Поставил внизу жирную дату: 14 сентября.

Посидел еще минуту, глядя на синие буквы.

После чего заблокировал экран телефона.

Темнота комнаты приняла его обратно. Капюшон снова скрыл половину мира. Толик подтянул колени к груди, принимая позу эмбриона на широком подоконнике старой девятиэтажки.

Где-то там, в другом часовом поясе, возможно, тоже идет дождь. И какая-то девушка по имени Алиса Лисицина, кутаясь в одеяло, которому полагается быть легким и летним, никак не может согреться посреди своего солнечного юга.

Толик закрыл глаза. Сон приходил вязкий, тяжелый, наполненный звуками дождя и ритмичным постукиванием клавиш пианино. Семнадцать строк текста выжгли его дотла, оставив после себя только чистое, звонкое пепелище, на котором завтра придется учиться жить заново. По крайней мере, до следующего бита.

Глава 2. Физика конденсации.

Школьная столовая пахла одинаково во все времена года и при любой власти: пережаренным подсолнечным маслом, переваренными макаронами и хлоркой, которой мыли липкие столы. Это был запах коллективной безысходности, густой, осязаемый, оседающий на одежде так, что отмыться от него до конца дня было невозможно. Для Толика этот аромат всегда означал тридцать минут вынужденного социального взаимодействия — самого мучительного испытания для человека, чей главный талант заключался в умении становиться невидимым.

Толику не нужно было обедать. В рюкзаке за его спиной лежал черствый бутерброд с сыром, завернутый в пергаментную бумагу, который мать положила ему утром. Но оставаться в гулком кабинете физики, где сквозняк гонял по полу пыльные обрывки старых наглядных пособий, было еще невыносимее. Столовая давала легальное право сидеть одному в углу, уставившись в пластиковый поднос с остывшим чаем, и делать вид, что ты глубоко погружен в собственные мысли.

Сегодня он выбрал свой любимый столик у дальней стены, прямо под массивным окном. Окно выходило на задний двор школы — унылый пейзаж, состоящий из трансформаторной будки, ржавых гаражей-ракушек и тополя, чьи голые ветви царапали стекло. На подоконнике толстым слоем лежала вековая грязь, смешанная со следами от дождевых капель.

Толик сидел, натянув капюшон худи почти до кончика носа. Он не спал; сквозь узкую щель между тканью и бровями он сканировал пространство, как радар ПВО. Вот физрук Петрович спорит с завхозом о недостающих вениках. Вот стайка одиннадцатиклассниц делает селфи, вытягивая губы уточкой. Вот Леха Смирнов кидается бумажными шариками через весь зал. Обычная биомасса большой районной школы.

Толик достал телефон. Пальцы сами открыли «Заметки». Текст вчерашнего трека жег карман. Ему нужно было вычитать его еще раз, найти слабое место, исправить рифму. Он погрузился в строчки, механически двигая челюстью — внутри снова был тот самый горький леденец тревоги.

— Уступишь соль?

Голос прозвучал над самым ухом. Он не был громким, но в вакууме толикового одиночества взорвался как фугас.

Время остановилось.

Это странное физическое явление, которое наука пока не может объяснить, но каждый человек испытывал его хотя бы раз. Мозг переходит в режим ускоренной обработки данных. Звуки превращаются в низкий гул, словно кто-то выкрутил эквалайзер частот вниз. Цвета становятся либо ядовито-яркими, либо блеклыми, как на старой киноплёнке. А секунды растягиваются в минуты, позволяя рассмотреть каждую пору на коже собеседника.

Толик поднял голову. Медленно. Так медленно, будто его шея заржавела.

Она стояла рядом с его столом. Алиса Лисицина.

Она была близко. Слишком близко. Настолько, что он почувствовал тонкий, едва уловимый аромат ее шампуня — яблоко и корица, совершенно неуместный химический контраст к запахам столовой. Она держала в руках пластиковый поднос. На нем стыла гречка с котлетой, похожей на старый сланец, и стакан компота из сухофруктов, в котором плавала разбухшая курага.

Ее рука — левая, с коротко стриженными ногтями, покрытыми прозрачным лаком — тянулась к солонке. Солонка стояла прямо перед Толиком, возле его локтя. Чтобы взять ее, ей нужно было либо перегнуться через его личное пространство, либо попросить. Она выбрала второе.

Их глаза встретились.

На расстоянии тридцати сантиметров. Лицо к лицу.

У Алисы были огромные карие глаза. Не просто коричневые, а цвета крепко заваренного черного чая, если смотреть на свет — по самому краю радужки пробивалась золотистая кайма. И сейчас эти глаза смотрели прямо на него.

В них не было насмешки. Не было высокомерия отличницы, снизошедшей до изгоя. Не было жалости. Там вообще, казалось, не было никаких социальных маркеров. Только чистое, незамутненное любопытство исследователя, обнаружившего новый вид насекомого.

Для всех остальных в столовой это длилось долю секунды. Девушка попросила соль, парень дернулся, рассыпав крошки со стола, буркнул что-то неразборчивое и протянул солонку. Рутин.

Но для Толика эта секунда превратилась в вечность.

Он смотрел в ее зрачки и видел там свое отражение. Приглушенное светом люминесцентных ламп, искаженное тенью капюшона, бледное лицо с темными провалами глаз. Он увидел себя ее глазами впервые. И зрелище ему не понравилось. Он показался себе грязным. Не физически — от него не пахло потом, одежда была чистой, — а внутренне. Как пятно на белоснежной скатерти. Зачем она подошла именно к нему? Вокруг были десятки свободных мест, ребята охотно сдвинулись бы ради нее. Почему его стол? Его угол? Его мрак?

Его мозг лихорадочно искал ответ, перебирая варианты со скоростью процессора:

1. *Ошибка*. Она перепутала его с кем-то. Нет, они учились в одном классе полгода, она знает его фамилию.

2. *Соцработ*. Их класс готовил акцию «Помоги младшему». Исключено, она никогда не участвовала в принудительной благотворительности.

3. *Пари*. Кто-то поспорил, что она заговорит с Холодом. Возможно. Люди жестоки. Эта мысль обожгла горло кислотой.

4. *Искренний порыв*. Самая опасная теория. Самая желанная.

— Спасибо, — сказала она.

Звук собственного имени, произнесенный ею, ударил током.

— Толь, — поправила она сама себя, заметив, как он поморщился. — Анатолий.

Откуда она знала, что он ненавидит полную форму? Они никогда не разговаривали. Никогда. Максимум их вербального контакта ограничивался фразой «Передай мел» на уроке геометрии, когда учительница рассаживала их за общие парты. Откуда она знает про Анатолия?

— Б-бери, — просипел Толик.

Голосовые связки отказались работать нормально. Звук вышел сиплым, каркающим, похожим на скрип несмазанной петли. Он покраснел мгновенно, жар поднялся от ключиц к ушам. Кожа под капюшоном стала влажной. Он ненавидел свое тело за эту предательскую реакцию.

Алиса улыбнулась.

Это не была вежливая улыбка кассира или снисходительная усмешка королевы бала. Уголки ее губ дрогнули и поползли вверх абсолютно естественно, отчего в уголках глаз собрались крошечные морщинки-лучики.

— Ты ешь соль горстями? — спросила она, кивнув на количество солонки, которые Толик сгреб поближе к себе, создавая защитный барьер из посуды.

Вопрос повис в воздухе. Гул столовой начал возвращаться — звяканье вилок, смех, крик дежурных: «Мальчик из пятого "Б", куда пошел без сменки!».

Толик моргнул. Иллюзия лопнула. Время схлопнулось обратно в одну секунду.

Он посмотрел на свои руки. Оказалось, что в попытке защититься он схватил не только солонки, но и переручицу, две салфетки и чужой недоеденный кусок хлеба. Он сжимал их мертвой хваткой, костяшки пальцев побелели.

— Н-нет, — выдавил он и тут же разжал пальцы. Предметы посыпались на стол с глухим пластиковым стуком. Одна солонка опрокинулась. Белые кристаллы рассыпались по жирному пятну от борща, покрываясь розоватой слизью.

Толик дернулся, чтобы поднять ее, задел рукавом свой чай. Коричневая жидкость плеснула через край пластикового стакана. Прямо на распечатку текста песни, которую он оставил на столе, думая, что никто не подойдет.

— Черт, — вырвалось у него.

Он полез за салфетками, но руки тряслись так сильно, что он лишь больше размазывал чай, превращая синие строчки в лиловую кашу.

«Я так хотел жить мечтой... Я так хотел быть с тобой...» Буквы текли, растворяясь навсегда. Казалось, вместе с ними растворяется и сам смысл написанного.

— Да ладно тебе, — голос Алисы прозвучал совсем рядом.

Она шагнула ближе, обходя стол. Теперь она стояла не напротив, а сбоку. Ее бедро в темно-синей школьной юбке оказалось в сантиметрах от его плеча. Толик замер, боясь вдохнуть. Он чувствовал тепло, исходящее от ее тела. Живое человеческое тепло посреди холодного кафеля столовой.

Она взяла целую стопку салфеток из металлического диспенсера. Профессиональным движением бармена промокнула лужу. Чай впитался быстро.

— Главное, что не на кота, — тихо пошутила она.

Толик непонимающе вскинул голову.

— Ну, говорят же, нельзя плакать над пролитым молоком, — пояснила она, продолжая методично промакивать стол. — Значит, над чаем тоже можно не рыдать. Особенно если текст уже есть в голове.

Кровь отхлынула от лица Толика, оставив после себя звенящую пустоту. Она видела. Когда он читал тогда, у хлебного ларька, или писал сейчас здесь, склонившись над листом — она смотрела. Она замечала.

Все это время, пока он думал, что он прозрачный, у него был свидетель. Самый важный свидетель в мире.

— Я... я переписываю, — соврал он первое, что пришло в голову, пытаясь спасти остатки достоинства.

Алиса закончила уборку. Сложила мокрые салфетки в аккуратный комок и бросила в мусорное ведро. Звук удара пластика о пластик прозвучал в наступившей вдруг тишине (как раз мимо проезжала тележка раздатчицы) неожиданно громко.

Она вытерла руки о свою форменную жилетку.

— Напишешь лучше, — уверенно сказала она. — У тебя взгляд такой, когда пишешь... Будто пытаешься дыру в бумаге прожечь.

Она посмотрела на часы над раздачей. Большая стрелка прыгнула на цифру двенадцать. Перемена заканчивалась. Химия. Лабораторная работа, которую Толик обязательно завалит, потому что реактивы опять разворовали, а учительнице плевать.

— Мне пора, — вздохнула Алиса. — Доиграешь партию в молчанку?

Она развернулась, чтобы уйти. Поднос в ее руках качнулся, компот опасно накренился.

И в этот момент мир Толика окончательно сошел с ума.

Он сделал то, чего не делал никогда. То, что противоречило всем законам его биологии, гравитации и здравого смысла.

Он поймал ее за рукав.

Жесткая шерстяная ткань школьного пиджака. Он сжал пальцы, чувствуя под тканью тонкую кость ее предплечья.

Алиса обернулась. Быстро. Резко.

Они оказались нос к носу второй раз за три минуты. Но теперь контекст изменился. Теперь инициатором был он. Нарушитель границ. Преступник.

Глаза Алисы расширились. Золотая кайма вокруг зрачков вспыхнула ярче. Она смотрела на его руку, державшую ее рукав, потом подняла взгляд на его лицо. Капюшон немного сполз назад во время возни с чаем, открывая высокий лоб и влажную челку.

Толик открыл рот. Воздух входил в легкие, но слова застряли где-то между трахеей и языком. Все гениальные фразы, все заготовленные панчлайны, вся боль и нежность, упакованные в семнадцать куплетов, превратились в один беззвучный вопль.

Он хотел сказать: *«Не уходи»*.

Хотел сказать: *«Я вижу твои сны»*.

Хотел сказать: *«Ты спасла меня сегодня, даже не зная об этом»*.

Из горла вырвался только хрип.

— У тебя... — прохрипел он. Горло пересохло. — У тебя крупа в волосах.

Это было самое идиотское, самое нелепое, самое беспомощное заявление, которое можно сделать девушке своей мечты. Гречка. Котлета оставила несколько зерен в ее густых темных прядях, выбившихся из небрежного пучка.

Повисла пауза. Такая плотная, что ее можно было резать ножом вместе с засохшим хлебом.

Леха Смирнов за соседним столом поперхнулся. Физрук Петрович перестал ругаться с завхозом. Кажется, даже холодильник на кухне затих. Вся столовая смотрела на них. На сторбленного парня в капюшоне, вцепившегося в отличницу Лисицыну, и на саму Алису, которая не пыталась высвободить руку.

Алиса моргнула. Раз. Второй.

А потом она тихонько, мелодично рассмеялась. Не издевательски, не громко — чисто. Смех прокатился по ее горлу, как стеклянные шарики, и выплеснулся наружу.

Она подняла свободную руку и аккуратно вытащила крупинку гречки из собственных волос. Посмотрела на нее.

— Спасибо, санитарный контроль, — сказала она, и в ее голосе не было ни капли яда.

Она перевела взгляд с его руки на его глаза. И снова время замедлилось.

В карих омутах не было смеха над ним. Там было понимание. Глубокое, вселенское понимание того, как трудно бывает дышать, когда рядом стоит человек, занимающий девяносто процентов твоего личного неба.

— Химия, Холодов, — мягко напомнила она. — Лидия Марковна сожрет твой журнал, если ты снова будешь пускать корни.

Она легко, двумя пальцами, коснулась его запястья — того места, где бешено пульсировала синяя вена.

— Отпусти. Пока я не заставила тебя съесть всю эту соль в качестве наказания.

Только тогда Толик понял, что все еще держит ее. Пальцы разжались, выпустив жесткий рукав. Шершавая полоска ткани выскользнула из ладони, оставив ощущение фантомного прикосновения.

Алиса сделала шаг назад. Потом еще один. Она не отвернулась сразу. Она смотрела на него еще секунду, и в этой секунде уместилась целая жизнь. Легкое движение подбородком — кивок, прощание, тайный знак посвящения в какой-то орден двоих.

Затем она развернулась и пошла к выходу из столовой. Шла она ровно, спину держала прямо, но Толик заметил, как напряжены ее плечи. Она тоже волновалась.

Дверь столовой хлопнула, впуская шум общего коридора.

Толик остался стоять у стола. В одной руке он сжимал мокрую салфетку, забыв выбросить. Другой судорожно ощупывал карман худи, проверяя, на месте ли телефон. На месте. Цельный.

Он опустил взгляд на стол.

Опрокинутая солонка. Рассыпанные кристаллы на грязном пластике. Опрокинутый чай. И расплывшиеся фиолетовые буквы на тетрадном листе.

«Я так хотел жить мечтой...»

Чернила растеклись, превратив первую строчку в бесформенную кляксу.

Толик осторожно, самыми кончиками пальцев, взял лист бумаги. Поднес к лицу. Принюхался. Бумага пахла дешевым чаем, школьной столовой и чем-то еще. Чем-то неуловимо сладким. Яблоком и корицей. Запах вьелся в волокна целлюлозы намертво.

Он закрыл глаза. Воспроизвел кадр. Карий цвет. Золотая кайма. Крупинка гречки, катящаяся по щеке.

Руки перестали дрожать. Внутри, там, где минуту назад была воронка от падения самолета, начала подниматься теплая волна. Это не была радость. Радость — слишком простое слово. Это было узнавание. Осознание того, что замок из тумана имеет фундамент. И этот фундамент реален.

Кто-то больно ткнул его в бок ручкой.

— Ты завис, бро? — спросил Леха Смирнов. — Выглядишь так, будто увидел призрака. Или инопланетян. Дай рубль до завтра, а? У предков зарплату задержали.

Толик вздрогнул. Очнулся. Шум столовой обрушился на уши водопадом.

— Что? — переспросил он.

— Рубль, говорю. На булочку. Видел, как ты с Лисициной тер. Поздравляю. Жесткий мув.

Леха ржал, ожидая ответа. Весь класс знал, что Толик — пустое место. А тут такая диспозиция.

Толик сунул руку в карман джинсов. Достал мятую десятку. Ту самую, на которую собирался покупать струны для старой гитары в переходе.

— Держи, — сказал он, протягивая купюру. — Купи пирожок. С мясом.

Леха вытаращил глаза, принимая деньги. Десять рублей вместо одного были суммой астрономической.

— Э-э-э... спасибо, Холод. Ты это... нормальный стал какой-то.

Толик не ответил. Он смотрел на дверь столовой, за которой скрылась Алиса.

Она обернулась перед самой дверью. Всего на мгновение. Посмотрела через плечо прямо на него. Улыбнулась краешком губ — той самой улыбкой, которую он принял тогда, осенью, за равнодушие.

Теперь он знал правду. Это была не стена. Это была проверка. Проверка на прочность его замка.

Она вышла. Дверь закрылась.

Толик сел за свой липкий стол. Сунул испорченный листок в рюкзак, к учебнику химии. Завтра придется писать заново. Придется подбирать новые слова. Потому что старые больше не имели веса. После сегодняшнего столкновения физика изменилась. Молекулы воздуха стали плотнее. Свет падал иначе.

До звонка оставалось сорок секунд.

Толик откинулся на спинку стула, который жалобно заскрипел. Потер грудь в области сердца. Оно билось ровно, но очень сильно.словно огромный колокол гудел внутри ребер.

— Перемена окончена, — объявил динамик под потолком голосом директора. — Всем проследовать в кабинеты.

Толик встал. Натянул капюшон обратно на глаза. Привычно сгорбил плечи, стараясь занимать как можно меньше места.

Но теперь это была игра. Камуфляж.

Потому что человек, который носит внутри себя солнечный ожог от взгляда девушки по имени Алиса, никогда больше не сможет стать по-настоящему серым. Даже если будет прятаться в самом темном углу самой дешевой школьной столовой.

Глава 3. Геометрия отчуждения.

Школьный двор после уроков напоминал поле битвы, на котором только что отгремела канонада перемены. Воздух пах остывающим металлом старых качелей, мокрой пылью и сладковатым дымом от дешевых сигарет, которые старшекласники курили за трансформаторной будкой, считая себя невероятно крутыми конспираторами. Октябрьский ветер швырял в лицо пригоршни желтых листьев — липких, размокших под недавним дождем.

Толик стоял у самого края школьной ограды, привалившись плечом к холодной чугунной решетке. С этой точки просматривалась почти вся территория: футбольная коробка с разорванной сеткой, горка, похожая на скелет динозавра, и широкая аллея, ведущая к выходу в город.

Он ждал уже двадцать минут. Двадцать минут ледяного ветра, пробирающегося сквозь тонкую ткань худи, и нарастающего чувства собственной ничтожности. Это было его ежедневное паломничество. Ритуал, который он сам себе назначил неделю назад, сразу после столкновения в столовой. Он убеждал себя, что просто идет домой этим путем. Но правда заключалась в том, что он выбирал маршрут так, чтобы траектория движения Алисы Лисициной пересекалась с его траекторией хотя бы на десять секунд.

Сегодня она вышла не одна.

Толпа выплеснулась из дверей школы шумным, галдящим потоком. Девчонки в ярких куртках, парни с рюкзаками, переброшенными через одно плечо в попытке казаться расслабленными. Толик сканировал лица, пока взгляд не зацепился за знакомую каштановую макушку.

Алиса была в центре группы. Буквально в центре. Она стояла внутри плотного кольца из четырех или пяти человек — местных «королей» девятого «Б». Леха Смирнов, вечный шутник с вечно развязанными шнурками. Димка Грач, занимающийся боксом, чья голова всегда была втянута в плечи, как у хищной птицы. И еще пара ребят из параллели, чьи имена Толик даже не пытался запомнить. Они были фоном. Декорацией.

Она смеялась.

Это был не тот тихий, мелодичный смех, которым она наградила его в столовой за крупную в волосах. Сейчас это был открытый, громкий хохот. Она запрокинула голову, подставляя бледную шею ветру. Ее шапка съехала набок, открывая ухо, в которое был воткнут белый провод наушников. Она что-то говорила Грачу, активно жестикулируя рукой, затянутой в вязаную перчатку без пальцев. Тот ржал, хватаясь за живот.

Толик почувствовал, как внутри что-то оборвалось. Холодный спазм сжал желудок. Это была физическая боль, тупая и тяжелая, словно ему в солнечное сплетение вбили гвоздь.

«Я так хотел быть с тобой рядом, а не с краю».

Строчка из песни ударила по нервам разрядом тока. Рядом. Не с краю.

В этом состояла главная геометрическая теорема его личной трагедии. Расстояние между ним и Алисой измерялось не метрами. Оно измерялось слоями социальной реальности.

Вот они стоят там, в эпицентре жизни. Их голоса сливаются в один низкий гул, их локти соприкасаются, когда кто-то толкает другого в шутку. Пар изо рта смешивается в общее облако. Тепло их тел создает микроклимат. Они — материя.

А он стоит здесь. За границей чугунной ограды. В другой температурной зоне. Для них октябрь — это время красивых фото в опавшей листве. Для него октябрь — это сезон выживания суставов.

Он попытался сделать шаг вперед. Просто выйти из-за спины толстого тополя, за которым прятался последние пять минут, и пойти навстречу. Сказать «привет». Кивнуть. Стать частью пейзажа чуть ближе к центру.

Ноги отказались двигаться. Мышцы превратились в камень.

Мозг лихорадочно прокручивал сценарии:

Сценарий А: Он подходит. Они замолкают. Пауза длится три секунды, но для Толика она растягивается на час неловкости. Кто-то (скорее всего, Леха) говорит: «О, здорова, Холодов. Как физика? Все еще пытаешься взорвать кабинет?» Общий смех. Алиса вежливо улыбается той самой улыбкой кассира. Толик стораает заживо и проваливается сквозь асфальт.

Сценарий Б: Он подходит. Его просто не замечают. Физически. Его тело проходит сквозь их группу, как призрак сквозь стену в дешевом хорроре. Он открывает рот, но звука нет. Он машет рукой перед лицом Алисы, но ее взгляд скользит мимо, фокусируясь на чем-то ярком за его спиной.

Толик остался стоять за деревом. Он вжался спиной в шершавую кору, цепляясь за нее пальцами в карманах, словно боялся, что порыв ветра сейчас поднимет его невесомое тело и унесет прочь, как полиэтиленовый пакет.

Алиса тем временем достала из кармана телефон. Провела пальцем по экрану. Группа тут же перестроилась. Теперь они шли не хаотичной толпой, а организованной колонной, направляясь к арке, ведущей на проспект. Алиса шла посередине, между Грачом и Лехой. Она продолжала говорить, наклонив голову. Свет фонаря упал на ее лицо, подсветив золотистую кайму радужки.

Они прошли мимо Толика. Метрах в семи.

Леха споткнулся о бордюр, грязно выругался, но никто не обратил внимания. Кроме Толика. Он видел каждую деталь: потертость на рукаве куртки Алисы, трещинку на ее губе от холодного ветра, то, как она ежится, пряча руки глубже в карманы джинсов.

Когда они скрылись за поворотом, звук их голосов не исчез мгновенно. Эхо гуляло между панельными домами еще несколько секунд.

Толик оттолкнулся от дерева. Плечо, которым он прижимался к стволу, онемело. Он вышел на открытое пространство двора. Поднял воротник худи, пытаясь спрятать подбородок.

Пустота вокруг стала физически ощутимой. Двор вдруг показался огромным, размером с взлетную полосу. Листья шуршали под ногами слишком громко, этот звук бил по барабанным перепонкам. Одинокий голубь клевал что-то у лужи, и стук его клюва разносился по всей вселенной.

Толик вытащил руку из кармана и посмотрел на свои пальцы. Они дрожали мелкой, противной дрожью. Не от холода. От переизбытка адреналина. Тело готовилось бежать, драться или спасти утопающего, но вместо этого оно просто стояло и смотрело. Наблюдатель. Человек-невидимка.

Он развернулся и побрел в сторону дома. Шаг его был тяжелым, шаркающим. Каждый метр пути давался с трудом, будто он шел по колено в воде.

«Быть рядом, а не с краю».

Фраза снова вспыхнула в голове. Он повторил ее вслух, шепотом, проверяя на вкус. Горькая. Как таблетка анальгина, которую заставляют рассасывать.

Край. Это слово идеально описывало всю его биографию. Краешек парты. Крайний столик в столовой. Край тротуара. Он жил на периферии чужих жизней, собирая обрывки тепла, летающие оттуда, где горел настоящий огонь.

Дома его встретила тишина. Соседи сверху опять делали ремонт — перфоратор гудел монотонно, как гигантское насекомое. Мать еще не пришла с работы. Отец спал после ночной смены, укрыв голову подушкой.

Толик прошел в свою комнату, сбросил на пол мокрый рюкзак. Звук удара показался оглушительным. Он сел на кровать. Посмотрел на окно. Оранжевый свет завода сегодня пульсировал — видимо, переключали какие-то агрегаты. Комната погружалась во мрак вслед за уходящим днем.

Ему нужно было тепло. Ему нужен был щит.

Он взял гитару. Старая акустическая «Кремона», доставшаяся от двоюродного брата, который уехал на Север пять лет назад. Гриф был испещрен царапинами, дека потерта до белизны в районе предплечья.

Толик положил инструмент на колени. Пробежался пальцами по струнам. Аккорд ля-минор прозвучал глухо и расстроено. Одна из басовых струн дребезжала о лад.

Обычно музыка успокаивала. Гитара была старым другом, который никогда не задавал вопросов. Но сегодня шестиструнка молчала. Мелодии не рождались. Красивые переборы казались фальшивыми, театральными.

Его боли не нужны были красивые аккорды. Его боли нужен был ритм. Удар. Пульс.

Он отложил гитару на одеяло. Достал телефон. Наушники-вкладыши, спутанные в тугой узел Гордиева, легли в ладонь холодным пластиком.

Он открыл приложение FL Studio Mobile. Дешевая версия, обрезанная по функционалу, купленная на сэкономленные со школьных обедов деньги. Серая сетка секвенсора заполнила экран.

Толик надел наушники. Мир отрезало начисто. Исчез скрип паркета, исчез визг соседской дрели, исчез запах хлорки из подъезда, проникающий под дверь. Остался только черный фон программы и белая линия курсора.

Курсор моргал, ожидая команды.

Толик закрыл глаза. Он вызвал в памяти картинку: школьный двор. Чугунная ограда. Дерево. Себя, прячущегося в тени. И яркий, теплый, недостижимый свет в центре — смеющуюся Алису.

Он протянул руку к сенсорному экрану. Палец завис над иконкой драм-машины.

Ритм должен начинаться медленно. Так бьется сердце, когда ты боишься пошевелиться.

Тап.

Бас-бочка (Kick). Глубокая, утробная. Звук падения камня в глубокий колодезь. *Бум.*

Пауза.

Тап.

Еще раз. *Бум... Бум.*

Медленно. Тяжело. Монотонно. Это шаги человека, идущего домой в полном одиночестве по осеннему пустырю.

Толик начал покачивать головой. Внутричерепной метроном наконец-то нашел общий такт с машиной.

Нужно добавить снэйр (Snare). Тот самый сухой щелчок, который разбивает ожидание.

Тап-там. *Бум... тс-с... Бум... тс-с.*

Звук металлической щетки по коже барабана. Хлесткий, холодный. Как порыв ветра, швырнувший горсть пыли в лицо.

Бит начал обретать форму. Он был медленным, тягучим, депрессивным. Идеальный саундтрек для созерцания чужой радости издалека.

Толик открыл виртуальную клавиатуру пианино. Ему нужна была мелодия. Что-то простое, цикличное, въедающееся под кожу, как заноза.

Он нажал одну клавишу. Ми малой октавы. Протяжный, грустный пэда (Pad), пропущенный через фильтр эха. Нота повисла в воздухе комнаты, медленно угасая.

Через такт — та же нота. Еще через такт — си. Потом обратно в ми.

Два аккорда. Всего два. Маятник раскачивается туда-обратно. Надежда — разочарование. Близость — пропасть.

Толик сидел в темноте, освещаемый лишь синеватым светом экрана телефона. Капюшон все еще скрывал половину лица. Пальцы порхали над стеклом, выстраивая архитектуру звука.

Он забыл про ужин. Забыл про необходимость делать уроки. Забыл про физическую оболочку. Он плыл в этом ритме. Бит стал его кровью. Пианино стало его дыханием.

Где-то на пятнадцатой минуте построения лупа (цикла) он понял, что делает. Он не просто писал музыку. Он строил саркофаг. Музыкальную шкатулку, внутри которой навсегда застынет эта картина: осенний двор, чужие спины и он, прижавшийся к дереву.

Он сохранял эту боль. Законсервировал ее в цифре. Чтобы можно было достать потом, нажать кнопку «Play» и снова почувствовать этот холод в животе, потому что если боль превратить в искусство, она перестает разрушать тебя изнутри. Она становится твоим ремеслом.

Толик снял один наушник. В уши тут же ворвался реальный мир — храп отца, гул завода, далекий вой сигнализации.

Экран телефона показывал цифры: 21:45. Поздно. Слишком поздно, чтобы выходить на улицу. Да и куда идти? Стоять под ее окнами? Это было бы уже клиникой. Романтикой из дешевых сериалов.

Он положил телефон на грудь. Закинул руки за голову, глядя в потолок, где плясали оранжевые блики.

Завтра будет химия. Лидия Марковна обязательно спросит его. Он получит двойку. Родители увидят запись в дневнике. Будет скандал. Обычный вторник.

Но теперь у него было оружие.

У него был первый бит.

Глухой, тяжелый, пульсирующий болью наблюдения издалека.

И впервые за долгое время Толик почувствовал не отчаяние, а странное, злое удовлетворение. Пусть они там смеются. Пусть гречка хрустит у них на зубах. Он заберет этот звук, пропустит через эквалайзер и вернет им его завтра в наушниках. Только звучать он будет уже совсем иначе.

Как приговор.

Глава 4. Архитектура пустоты.

Утро началось не с будильника. Оно началось с вибрации. Низкой, жирной вибрации баса, которая передавалась от деревянного изголовья кровати прямо в височную кость. Толик открыл глаза в полной темноте. Семь утра. За окном еще висела густая, чернильная ночь ноября.

Телефон лежал на подушке. Экран мигал уведомлением. Разряд батареи — 12%. Всю ночь аппарат проигрывал созданный вчера луп. Толик даже не помнил, как заснул в наушниках.

Он сел, массируя затекшую шею. Во рту пересохло, язык прилип к небу. Но голова была кристально чистой. Боль вчерашнего вечера кристаллизовалась. Она больше не была аморфной массой слез и жалости к себе. Теперь у нее был размер — четыре четверти. У нее был темп — семьдесят ударов в минуту. У нее был цвет — мутно-серый, как небо над промзоной.

Толик встал. Прошел на кухню босиком, оставляя следы на холодном линолеуме. Включил чайник. Пока вода нагревалась, он смотрел на свое отражение в черном стекле окна. Призрак. Синяки под глазами стали еще темнее. Волосы стояли дыбом после ночи сна в капюшоне.

— Анатолий, — сказал он своему отражению. Голос был сиплым. — Ты превращаешься в персонажа Эдгара Аллана По. Скоро научишься разговаривать с вороном.

Отражение ничего не ответило. Оно вообще выглядело подозрительно неживым.

Дорога в школу превратилась в покадровую анимацию. Утренний город был злым и невыспавшимся. Люди бежали к остановкам, втянув головы в плечи. Толик шел, погрузившись в свой внутренний плейлист. Сегодня он включил вчерашний бит на динамик телефона, едва прикрутив громкость. Бас вибрировал в кармане куртки, синхронизируясь с его собственным сердцебиением.

Школа встретила его запахом озона от работающих тепловентиляторов и кислого кофе из учительской. В коридоре второго этажа, возле кабинета химии, уже клубилась жизнь.

Толик замедлил шаг. Инстинкт самосохранения кричал: «Обойди! Зайди через запасной выход!». Но ноги сами понесли его к центральному фойе.

Он занял позицию у стенда с расписанием. Идеальная точка обзора. Отсюда лестничный пролет на второй этаж просматривался полностью, оставаясь при этом в слепой зоне для тех, кто поднимается. Классический принцип снайперской позиции: видеть всех, не будучи видимым самому.

Они появились ровно в восемь десять. Опоздавшие. Как обычно.

Алиса спускалась по лестнице первой. Сегодня на ней была огромная мужская фланелевая рубашка в красно-черную клетку, подпоясанная тонким ремешком, поверх белой футболки. Джинсы были закатаны до середины икры, обнажая полосатые носки и тяжелые ботинки на тракторной подошве. Выглядела она так, будто сбежала со съемочной площадки гранж-клипа девяностых.

Выглядела потрясающе.

Рядом с ней, буквально наступая на пятки, шел Грач. Он что-то оживленно рассказывал, размахивая руками. Судя по широкой улыбке Алисы — что-то действительно смешное. Она смеялась, запрокидывая голову так, что кадык на длинной шее красиво выделялся в вырезе футболки.

Толик вжался лопатками в холодный кафель стены. Рубашка мгновенно взмокла на спине.

«Я так хотел жить мечтой...»

Мечта стояла в десяти метрах от него. И она жила своей жизнью. Полноценной, объемной, стереофонической. В его жизни ей отводилась роль монофонического сэмпла, заикленного на повторе.

Группа прошла мимо. Толик уловил обрывок фразы:

— ...и тогда физичка ка-ак прыгнет на стол! — говорил Леха, догнавший их снизу.

— Я думала, у нее парик слетит! — вторила Алиса, вытирая выступившие от смеха слезы.

Они излучали энергию. Солнечные батареи в человеческом обличье. Они питались друг другом, заряжаясь от собственных историй.

Толик чувствовал себя батареей старого пульта от телевизора — севшей, покрытой окислами, способной дать разве что слабую вспышку диода перед окончательной смертью.

Урок химии превратился в пытку. Лабораторная работа называлась «Приготовление раствора заданной концентрации». Концентрация соли в воде. Ирония сегодняшнего дня заставила губы Толика дернуться в подобии усмешки, от чего химичка Лидия Марковна подозрительно уставилась на него поверх очков.

— Холодов, вам весело? Может, выйдете к доске и порадуете нас формулой?

Толик молча поплелся к доске. Мел крошился в пальцах. Формула сульфата меди никак не хотела писаться правильно. Цифры плясали.

За третьей партой сидела Алиса. Толик затылком чувствовал ее присутствие. Жар ее тела, казалось, доходил даже сюда.

Он слышал, как она перешептывается с подругой. Слов не разобрать, только интонации — вверх, вниз, короткий смешок. Живой голос. Самый прекрасный и самый мучительный звук во Вселенной.

На контрольной срезался даже отличник Витя Сомов. Когда прозвенел звонок, класс выдохнул с облегчением.

Начался исход. Толик специально копался дольше всех, перекладывая учебники в рюкзак. Ему нужно было увидеть, как она уходит. Куда она пойдет на этот раз.

Алиса вышла в компании Грача и какой-то высокой блондинки из «А»-класса. Они двинулись не к лестнице, а в сторону рекреации — широкого подоконника у окна, выходящего на спортплощадку. Там уже сидели ребята.

Толик замер в дверях класса. Идти за ними означало выдать себя. Остаться здесь — значит пропустить всё.

Он выбрал третье. Медленно подошел к подоконнику в противоположном конце коридора. Сел на корточки, делая вид, что завязывает шнурок. На самом деле — просто чтобы иметь повод сидеть спиной ко всем и смотреть на отражение в темном стекле.

В отражении была видна рекреация. Маленькая перевернутая реальность.

Алиса села на край подоконника, свесив ноги. Грач встал вплотную к ней, практически зажимая ее между собой и стеной. Он нависал над ней, говорил что-то прямо в ухо. Блондинка смеялась.

Толик смотрел на профиль Алисы. Она слушала Грача. Сначала внимательно. Потом уголок ее губ пополз вверх. Затем она попыталась отстраниться, уперевшись ладонями Грачу в грудь.

— Дим, ну перестань, щекотно, — услышал Толик ее голос. Звонкий, но с нотками раздражения.

Грач не унимался. Он перехватил ее запястья одной рукой, продолжая что-то нашептывать. Вторая рука опустилась на перила подоконника рядом с ее бедром. Слишком близко.

Внутри Толика что-то щелкнуло. Тихо, но очень опасно.

Это не было ревностью взрослого мужчины. Это была первобытная, иррациональная ярость пещерного человека, у которого из-под носа уводят добычу. Хотя какая она добыча? Она живой человек. Она имеет право позволять кому угодно шептать ей на ухо.

Но понимание логики мозга отключило.

«Хотел гореть от любви, к сердцу прижимая...»

Сейчас Толик не хотел прижимать ее к сердцу. Сейчас он хотел подойти и впечатать кулак в самодовольную физиономию Грача. Показать этому боксеру-недоучке, что такое настоящий нокдаун.

Руки сжались в кулаки так, что ногти впились в ладони до крови.

— Холодов, ты че, остекленел?

Возле него остановился Женька из параллельного. Местный дурачок, считающий себя рэпером, потому что носил штаны-трубы.

— Нормально, — буркнул Толик, не поворачивая головы.

— Гля, Лисицина-то опять с Грачом трется, — осклабился Женька, кивнув в сторону рекреации. — Думает, он ее в шоубизнес выведет. Чемпион района, ёпта.

Женька заржал собственной плоской шутке и пошел дальше, жуя жвачку.

Толик продолжал смотреть в стекло. Кулаки медленно разжались. Пальцы онемели.

Ярость схлынула так же быстро, как и нахлынула, оставив после себя только звенящую пустоту и горький привкус металла во рту. Боксер Грач. Конечно. Всё сходится. Социальный дарвинизм в действии. Сильнейший получает лучший генофонд и самую красивую девочку. А Толик... Толик получает возможность наблюдать за этим из первого ряда, покупая билет ценой собственного унижения.

Алиса что-то резко сказала Грачу. Тот отпустил ее руки, поднял их в примирительном жесте («всё, всё, сдаюсь») и отошел к парням. Алиса осталась сидеть. Она подтянула колени к груди, обхватив их руками. Из веселой смеющейся девчонки она за секунду превратилась в нахохлившегося воробья. Усталого и замерзшего.

Этот момент перехода стоил всего спектакля. Толик увидел настоящую Алису. Ту, которая живет под маской общительности. Ей тоже тяжело. Ей тоже бывает тесно в этих школьных стенах. Эта мысль принесла короткое, едкое утешение. Она не богиня. Она тоже сделана из хрупкого мяса и костей. Ей тоже больно.

Прозвенел звонок на геометрию. Рекреация опустела. Толик посидел еще минуту, глядя на пустой подоконник.

Затем поднялся. Ноги затекли, тысячи иголок впились в мышцы. Он похромал в сторону лестницы.

Геометрия. Кабинет на четвертом этаже. Старое здание, высокие потолки.

Толик любил геометрию. Единственная наука, где всё честно. Где параллельные прямые никогда не пересекутся, сколько ни продлевай их в бесконечность. Где сумма углов треугольника всегда равна ста восьмидесяти градусам. Предсказуемость. Порядок.

Он сел за свою последнюю парту. Открыл тетрадь.

Лилия Петровна, старая сухая математичка, начала выводить на доске доказательство теоремы Фалеса. Ее голос монотонно гудел, создавая идеальный фон. Белый шум.

Толик снова достал телефон. Сунул палец в разъем для наушников. Провод привычно запутался.

Он открыл FL Studio. Загрузил вчерашний проект.

Бас-бочка. *Бум.*

Снэйр. *Тс-с.*

Пианино. *Ми... Си...*

Нет. Сегодня этот бит не работал. Вчерашняя тоска никуда не делась, но к ней добавился новый элемент. Электрический зуд под кожей. Агрессия.

Наблюдать издалека — это пассивно. Это путь жертвы.

Сегодня он был свидетелем сцены с Грачом. И он понял: замок из тумана нуждается в защите. Если туман рассеется, останется только голый бетон его убогой девятиэтажки. Нужно строить укрепления.

Палец коснулся сетки секвенсора.

Он удалил партию пианино. Совсем. Оставил только дышащий низкими частотами фон. Добавил хай-хэты. Частые, резкие, стаккато. Ц-ц-ц-ц-ц. Как пулеметная очередь. Как дождь по железному листу.

Затем он полез в библиотеку семплов. Искал нужный звук. Нужный аккорд.

Нашел. Distorted Piano. Рояль, пропущенный через гитарный перегруз. Звук рваных связок ангела.

Толик набрал четыре ноты. Резкие, диссонирующие. Минорный квартсекстаккорд. Звучало тревожно, почти болезненно.

Он скопировал этот кусок. Вставил дальше по таймлайну.

Затем выкрутил ручку фильтра вправо. Звук начал открывать горло. Появился высокочастотный визг, переходящий в шипение.

Толик закрыл глаза. Представил лицо Грача. Самодовольное, лоснящееся.

Представил, как нажимает на газ своего мотоцикла. (*Примечание автора: мотоцикл появится позже, но агрессия скорости уже зарождается здесь*).

Он добавил дисторшн (Distortion) на мастер-канал. Весь бит задрожал, захрипел. Бас перестал быть мягким камнем в колодце. Теперь это был отбойный молоток.

БУМ-БУМ-ТС-С-Ц-Ц-КР-Р-Р-АААХ.

Музыка изменилась. Она больше не плакала. Она рычала.

Это был саундтрек для того, кто сидит на краю, сжимая кулаки до побеления костяшек. Это был гнев невидимки.

Лилия Петровна закончила доказательство. Обернулась к классу.

— Вопросы есть?

Класс молчал. Спал.

Ее взгляд скользнул по рядам и уперся в последнюю парту.

— Холодов. Тебе вопрос. Докажи нам обратную теорему. Или хотя бы сделай вид, что ты не записываешь альбом сатанинской музыки на моем уроке.

Смех. Короткий, угодливый.

Толик медленно вынул один наушник. Второй остался в ушном канале, продолжая пульсировать искаженным роялем.

— У обратной теоремы недостаточно данных для доказательства в данной плоскости, Лилия Петровна, — ровным голосом ответил он.

Училка моргнула. Смех в классе стих. Никто не ожидал, что Холодов умеет формулировать предложения длиннее трех слов, да еще и использовать термины вроде «данных плоскостей».

— Садитесь, умник, — после паузы выдавила она. — Два в журнал за поведение.

Толик кивнул. Воткнул наушник обратно.

Два в журнал. Прекрасно. Баланс соблюден. Общество получило свою плату за его непокорность.

Он откинулся на спинку стула. Бит играл в голове на репите. Громкий, агрессивный, страшный.

Он посмотрел на третью парту. Алиса рисовала что-то на полях тетради. Лицо ее было сосредоточенным. Она не знала, что прямо сейчас, в черепной коробке парня-призрака с задней парты, звучит симфония ее возможного спасения. Или ее гибели.

Толик сунул телефон глубже в карман. Почувствовал вибрацию корпуса.

Пусть смеется с Грачом. Пусть позволяет держать себя за руки.

Толик знал правду. Настоящая любовь — это не прогулки под луной. Настоящая любовь — это архитектура пустоты. Это умение построить целый мир вокруг одного силуэта, находясь от него на расстоянии выстрела.

И он был лучшим архитектором в этом городе. Проектировщиком замков из тумана.

Бит отстукивал ритм строительства. Четко. Жестко. Без права на ошибку.

Глава 5. Эхо в одеяле.

Пятница выдалась паршивой.

Толик возвращался домой, чувствуя себя так, будто его пропустили через мясорубку школьной жизни и поджарили на сковородке общественного мнения. Химия закончилась двойкой — Лидия Марковна не простила ему наушники. На геометрии он умудрился порвать тетрадь, пытаясь сложить ее для шпаргалки. А во время большой перемены, когда он пытался пересечь холл второго этажа, Грач с компанией перегородил ему путь у лестницы.

— Эй, Холодов! — окликнул Леха, хлопнув Грача по плечу. Тот обернулся. Его лицо было непроницаемым, но глаза смотрели холодно, как два куска льда. — Слышь, ты же вроде музыку пишешь? Рэп там, все дела?

Толика передернуло. Он молчал, глядя куда-то в район шнурков боксера.

— Ну, типа того, — наконец выдал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Грач усмехнулся. Улыбка вышла кривой, больше похожей на оскал.

— Напиши про меня трек. Хочу послушать, что ты скажешь, когда будешь петь о настоящем чемпионе. Только без соплей, ладно? Чтоб жестко было.

Он толкнул Толика в плечо. Не сильно, но достаточно, чтобы тот пошатнулся и чуть не упал на ступеньки.

— Давай-давай, работай, поэт, — бросил Грач напоследок и пошел дальше, увлекая за собой свиту.

Слова «напиши про меня трек» звенели в ушах всю дорогу до дома. Они были похожи на вызов. Или на угрозу. Толик чувствовал, как внутри закипает странная смесь злости и страха. Злости на то, что этот самоуверенный боксер посмел вторгнуться в его мир, который был закрыт даже от самого себя. И страха, потому что слова Грача задели что-то важное. Что-то, что пряталось глубоко внутри, под слоем серых будней и невидимости.

Дома никого не было. Отец снова ушел в ночную смену, мать задерживалась на работе. Квартира встретила его тишиной, которая казалась оглушительной после школьного шума. Толик прошел в свою комнату, сбросил рюкзак на пол и рухнул на кровать лицом вниз. Одеяло пахло пылью и чем-то сладким — наверное, маминым парфюмом, впитавшимся в ткань много лет назад.

Лежать было невыносимо. Мысли роились, жалея, как осы. Бит, который родился вчера на уроке геометрии, пульсировал в голове. Агрессивный, рваный ритм, полный боли и ярости. Но теперь к нему добавились новые строчки. Строчки, которые рождались прямо сейчас, пока он лежал, уткнувшись носом в подушку.

«Я сам построил для нас замок из тумана...»

Нет. Это слишком романтично. Слишком похоже на вчерашнюю Алису. Сегодняшний день требовал другого языка. Жесткого. Прямого. Как удар в челюсть.

Толик сел. Огляделся. Комната была крошечной: письменный стол у окна, шкаф-купе, кровать. На столе — гора учебников, кружка с недопитым чаем недельной давности, старый кнопочный телефон матери и... микрофон.

Это был дешевый караоке-микрофон, купленный матерью на какой-то распродаже пару лет назад. Черный пластиковый цилиндр с решеткой, подключающийся к телефону через разъем для наушников. Звук он давал ужасный — шипящий, с кучей помех. Но для Толика это был первый настоящий инструмент. Символ. Вещь, которая могла превратить его мысли в звук.

Он взял микрофон в руки. Пластик приятно холодила ладони. Толик вспомнил слова Грача: *«Напиши про меня трек»*. Нет, он не будет писать про Грача. Он не станет опускаться до

уровня уличных разборок. Он напишет про нее. Про Алису. Про то, каково это — быть рядом с ней, но оставаться пустотой. Быть звуком, который никто не слышит.

Идея захватила его мгновенно. Словно кто-то щелкнул выключателем. Толик вскочил с кровати, подбежал к столу и схватил телефон. Открыл приложение FL Studio Mobile. Проект, созданный вчера, ждал его. Тяжелый бит, искаженный рояль. Идеальный фундамент.

Но сегодня нужно было другое вступление. Тихое. Почти шепот. Чтобы потом обрушиться всей мощью баса.

Тап. Тап.

На экране появилась драм-машина. Толик выбрал самый тихий, глухой звук бочки (Kick). *Бум. Пауза. Бум.*

Медленно. Размеренно. Как стук сердца человека, который боится признаться себе в своих чувствах.

Затем он добавил хай-хэт (Hi-Hat) — тонкий, цыкающий звук. *Ц-ц-ц-ц-ц.* Частота нарастала, создавая напряжение. Будто капли дождя, падающие на подоконник. Будто секунды ожидания.

Теперь мелодия. Он открыл виртуальное пианино. Ноты ложились тяжело, неохотно. Ми минор. Простой аккорд, повторяющийся раз за разом. Три ноты. Печально. Безысходно.

Толик прикусил губу, концентрируясь. Ему нужны были слова. Настоящие слова. Те, что прожигают дыру в горле, прежде чем вырваться наружу.

Он начал говорить в микрофон. Сначала тихо, почти неслышно:

«Я так хотел жить мечтой, слепо доверяя своим...»

Голос дрожал. Микрофон ловил каждый вздох, каждое движение челюсти. Звук выходил плоским, лишенным низких частот, но в этом была своя прелесть. Эта запись была сырой. Живой. Настоящей.

«Не верил глазам миллионы раз».

Он сделал паузу. Набрал воздуха в легкие.

«Я так хотел быть с тобой рядом, а не с краю».

Здесь он повысил тон. Голос сорвался на последнем слове. «Кра-ю». Слово растянулось, превратившись в стон.

Бит продолжал отстукивать свой монотонный ритм. Бочка. Снэйр. Хай-хэты. Ц-ц-ц-ц-ц.

Толик закрыл глаза, представляя школьный двор. Представляя, как она смеется с другими ребятами, а он стоит в стороне, прижимаясь лопатками к холодной стене. Чувство чуждости нахлынуло волной. Горькое, едкое чувство собственной ненужности.

«Хотел гореть от любви, к сердцу прижимая,

Хотел не слышать твоих равнодушных фраз».

Равнодушные фразы. Эти два слова стали якорем. Якорем, удерживающим его на плаву в океане эмоций. Равнодушие ранило сильнее всего остального. Оно было оружием массового поражения, которое убивало медленно, методично, оставляя после выжженную пустыню.

«Я сам построил для нас замок из тумана,

Но вот пришел этот день без твоих глаз».

Последние две строки дались тяжелее всего. Горло сдавило спазмом. Слезы жгли веки, но он не позволял им пролиться. Нельзя плакать. Музыка требует силы. Даже если эта сила рождается из боли.

Толик закончил первый куплет. Отстранился от микрофона, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в районе горла. Он прослушал запись. Звук был ужасным. Шипение, эхо комнаты, отсутствие басов. Но текст... Текст пробивал эту техническую несовершенство насквозь.

Нужно было записать припев. Припев должен был стать молитвой. Заклинанием. Тем самым плачем небес, о котором он писал.

Толик вернулся к драм-машине. Выбрал более быстрый темп. Бит стал плотнее, агрессивнее. Добавил еще один слой перкуссии — сухой, трескучий звук (Clap).

*«Плачут небеса о любви и мечте,
Плачут небеса о тебе, о тебе».*

Он пел эти слова, вкладывая в них всю свою тоску. Небеса действительно плакали сегодня весь день — мелкий дождь моросил с утра, превращая асфальт в зеркало, в котором отражались серые облака.

*«Плачут небеса, разливаясь дождем,
Знают небеса, мы с тобой не вдвоем».*

Фраза *«мы с тобой не вдвоем»* прозвучала как приговор. Толик понял это только сейчас, произнося вслух. Дело было не только в том, что между ними стояли другие люди. Дело было в том, что они существовали в разных вселенных. Она — в мире света и смеха. Он — в мире теней и молчания.

Запись получилась короткой. Всего тридцать секунд. Но этого хватило, чтобы выплеснуть яд, накопившийся за неделю. Толик почувствовал опустошение. Будто из него вытянули все эмоции, оставив лишь гулкую пустоту.

Он посмотрел на часы. Уже начало десятого. Скоро придет мать, включит свет в коридоре, и тогда пиши пропало. Нужно было заканчивать.

Толик решил добавить интро. Спокойное, медленное вступление, которое подготовит слушателя к эмоциональному взрыву основного текста.

Он нашел семпл фортепиано. Пропустил его через фильтр, сделав звук приглушенным, далеким. Затем наложил поверх него шум дождя — нашел в библиотеке звуков эффект Rain. Капли забарабанили по воображаемому стеклу.

Кап-кап-кап... кап-кап... кап-кап-кап...

Идеально. Атмосфера одиночества создана.

Работа заняла почти час. За окном окончательно стемнело. Заводские трубы перестали дымить, погрузив район в полную темноту, которую разгоняли только редкие фонари да свет из окон соседних домов. В этой темноте комната Толика превратилась в студию звукозаписи. Святилище.

Когда последний бит встал на свое место, Толик выдохнул. Он прослушал трек целиком. От начала до конца. Дрожащий голос, сбивающийся ритм, плохая запись. Но это была его первая песня. Его личная исповедь, упакованная в четыре минуты цифрового звука.

Название пришло само собой. Он нажал на кнопку «Save As».

«Замок из тумана».

Толик откинулся на спинку стула. Пот струился по спине. Во рту пересохло. Он впервые за вечер осознал, что проголодался. Желудок издал жалобное урчание.

В холодильнике наверняка ничего не осталось, кроме засохшего лимона и банки соевых огурцов. Толику было плевать. Он чувствовал сытость иного рода. Творческий голод был удовлетворен.

Он снял наушники. Повесил их на шею. Посмотрел на черный цилиндр микрофона, лежащий на столе. Этот кусок пластика стал его оружием. Щитом. Способом сказать миру то, что невозможно выразить словами в классе или на улице.

Где-то в глубине квартиры хлопнула дверь. Мать вернулась. Послышались шаги, звон ключей. Жизнь продолжалась снаружи, в мире людей, которые ужинают, смотрят телевизор и обсуждают погоду. А здесь, в комнате Толика, родилась новая реальность. Реальность, сотканная из ритма и боли.

Он подошел к окну. Распахнул створку. Холодный ноябрьский воздух ворвался в комнату, заставив зябко повести плечами. Запах мокрого асфальта и угля с котельной ударил в нос.

Толик высунул голову наружу, глядя на звезды, которых почти не было видно из-за городской подсветки.

— Вот так, — прошептал он в темноту. — Теперь ты меня услышишь.

Он не знал, кого имел в виду. Алису? Небеса? Себя самого?

Неважно. Главное — звук вышел за пределы его головы. Он обрел форму. Стал вещью. А вещи имеют свойство существовать независимо от своего создателя.

Толик закрыл окно. Задернул штору, отгораживаясь от внешнего мира. Вернулся к столу. Еще раз прослушал трек. На этот раз внимательно, анализируя каждую ошибку, каждый лишний вдох, каждый фальшивый слог.

Ему предстояло много работы. Нужно было переписать вокал. Улучшить сведение. Найти способ убрать шумы.

Но это уже завтра. Сегодня он заслужил отдых.

Толик лег на кровать, не раздеваясь. Телефон положил на грудь. Экран погас, погружая комнату в темноту. Но в ушах все еще стоял ритм. *Бум-бум-тс-с*. Биение сердца, которое научилось говорить.

Первый шаг сделан. Замок из тумана построен. Теперь оставалось самое сложное — найти того, кто согласится в него войти.

Или разрушить его до основания.

Глава 6. Студия одного актера.

Утро субботы началось не с солнца. Солнце в ноябре — редкий гость, особенно в промышленном районе, где смог от завода висит над крышами плотной кисеей. Утро началось со скрежета металла. Где-то внизу рабочие грузили контейнеры, перекрикиваясь хриплыми голосами.

Толик проснулся около десяти. Болела шея — он уснул в неудобной позе, подложив руку под голову. Во рту был привкус картона. Он сел на кровати, потирая затекшие плечи. Первым делом потянулся к телефону. Экран вспыхнул, показывая уведомление: *«Вы записали новый аудиофайл: "Замок из тумана"»*.

Сердце екнуло. Воспоминания о вчерашнем вечере нахлынули теплой волной. Он создал нечто реальное. Нечто, имеющее вес и объем.

Первым делом Толик проверил заряд батареи. Семнадцать процентов. Мало. Он подключил телефон к зарядному устройству, которое валялось под столом среди старых проводов и фантиков от конфет. Пока аппарат заряжался, Толик сидел, глядя в стену, и прокручивал в голове трек.

Ему нравилось то, что получилось. Несмотря на плохое качество записи, несмотря на дрожащий голос и сбитое дыхание, в песне была энергия. Та самая энергия, которой ему так не хватало в реальной жизни.

Нужно было работать дальше. Перезаписать вокал. Сделать чище. Четче. Сильнее.

Проблема заключалась в том, что делать это при живущих в квартире родителях было невозможно. Любой звук из его комнаты тут же привлек бы внимание. Мать обязательно заглянет узнать, почему он не спускается завтракать. Отец спросит, что за ерунду он там смотрит.

Решение пришло внезапно. Толик вспомнил про кладовку в коридоре. Маленькую комнатушку три на три метра, заваленную старыми лыжами, коробками с новогодними игрушками и мешками с зимней одеждой. Там всегда царила темнота и прохлада. Идеальная звукоизоляция.

План созрел мгновенно. Толик натянул худи, сунул ноги в кеды и, стараясь двигаться бесшумно, выскользнул из комнаты. Коридор встретил его полутьмой. Свет из кухни падал узкой полосой, освещая половицы.

— Толик? Ты чего крадешься? — раздался голос отца из гостиной. Телевизор работал громко, шла какая-то спортивная передача.

— В туалет, пап! — крикнул Толик, надеясь, что звук телевизора заглушит его ответ.

— А-а-а, ну давай, — буркнул отец, не отрываясь от экрана.

Толик юркнул в ванную, быстро справил нужду и вышел обратно в коридор. Прислушался. Из гостиной доносился рев комментатора и звон бутылочных крышек — отец пил пиво. Отлично. Можно действовать.

Он подошел к двери кладовки. Дернул ручку. Заперто. Черт. Замок был старым, ключ давно потерялся. Пришлось повозиться, вставляя в замочную скважину маникюрные ножницы, найденные на трюмо в прихожей. После нескольких минут манипуляций замок щелкнул.

Толик вошел внутрь. Здесь пахло нафталином и пылью. Луч фонарика телефона прорезал тьму, выхватывая из мрака очертания санок, коробки с надписью «Новый год 2018» и стопку одеял.

Он расчистил небольшой пятачок пола, сдвинув несколько коробок. Сел, скрестив ноги. Включил режим полета на телефоне, чтобы не отвлекаться на уведомления.

Темнота обняла его. Абсолютная, бархатная темнота. Ни единого лучика света. Идеальные условия для творчества.

Толик надел наушники. Нажал на иконку проекта «Замок из тумана».

Экран телефона осветил его лицо голубоватым светом, делая похожим на призрака.

Первое, что он сделал — перезаписал куплеты.

Он говорил тише, контролируя дыхание. Старался, чтобы голос не дрожал. Получалось лучше, но все равно не идеально. Мешало эхо. В маленькой кладовке звук отражался от стен, создавая неприятный металлический призыв.

Тогда Толик применил лайфхак, подсмотренный на YouTube. Он достал из шкафа старое шерстяное одеяло. Сложил его вдвое и повесил на вешалку для одежды, создав импровизированную ширму между собой и стенами. Сам сел на свернутый плед, чтобы смягчить отражение звука от пола.

Эффект был потрясающим. Эхо исчезло. Голос звучал глубже, гуще.

«Я так хотел жить мечтой, слепо доверяя своим...»

Он читал строчки, глядя в черноту перед собой. Представлял, что говорит с ней. С Алисой. Не с той веселой девочкой из школы, а с той, другой — задумчивой, сидящей на подоконнике в рекреации. Той, которая прячет глаза, когда думает, что на нее никто не смотрит.

Во второй попытке куплет получился чище. Толик сохранил его, заменив старую дорожку.

Следующим этапом был припев. Тут возникла проблема. Припев требовал эмоций. Широты. А в тесной кладовке, сидя на полу, сложно изобразить трагедию вселенского масштаба.

Толик попробовал встать. Расправил плечи, поднял подбородок.

— *«Плачут небеса о любви и мечте!»* — запел он, вложив в голос всю боль, которую испытывал.

Результат оказался неожиданно мощным. Эхо от голоса, отразившееся от стенок кладовой, придало звуку объем. Басовые частоты телефона, усиленные вибрацией корпуса, добавили глубины.

Толик прослушал результат. По коже побежали мурашки. Это было хорошо. Очень хорошо. Гораздо лучше, чем вчерашняя версия.

Осталось последнее. Интро. Фрагмент с дождем и фортепиано.

Он нашел нужный участок таймлайна и включил воспроизведение. Мелодия заполнила маленькое пространство кладовки, смешиваясь с дыханием Толика. *Кап-кап-кап... кап-кап...*

И вдруг произошло чудо. Толик поймал ритм. Он начал качать головой в такт музыке, закрыв глаза. Его тело, привыкшее сутулиться и сжиматься, распрямилось. Он почувствовал себя дирижером маленького оркестра. Создателем погоды. Он мог заставить небо плакать одним нажатием пальца.

Внезапно музыка оборвалась. Громкий, требовательный звонок телефона разрезал тишину.

Толик вздрогнул. Кто это может быть в режиме полета?

Он взглянул на экран. Мама.

— Да, мам? — ответил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Толик, ты где? Я тебя зову-зову! Завтрак готов!

— Я... эм... занимаюсь. В кладовке. Готовлюсь к контрольной по физике, — соврал он, лихорадочно придумывая оправдание.

— В кладовке? Зачем? — удивилась мама.

— Там темно. Удобно читать. И никто не мешает, — нашелся Толик.

Мама помолчала секунду.

— Ладно, не засиживайся долго. Через полчаса обедать будем.

— Хорошо, мам, — сказал Толик и сбросил вызов.

Он перевел дух. Сердце колотилось как бешеное. Близость разоблачения отрезвила. Нужно было торопиться.

Он вернулся к проекту. Быстро записал финальный фрагмент — затухающий шум дождя и одинокую ноту фортепиано, растворяющуюся в тишине.

Проект был готов. Полностью. От первого удара барабана до последней капли дождя.

Толик сохранял файл, ощущая странную гордость. Это был его первый альбом. Единственный трек. Но он существовал. Он жил.

Он вышел из кладовки, шурясь от света в коридоре. Отец все еще смотрел телевизор, похрустывая чипсами. Мать возилась на кухне, запах жареной картошки проникал сквозь щели под дверью, вызывая спазм голода.

Толик запер кладовку, аккуратно расставил коробки на место. Вернулся в свою комнату, плотно закрыв дверь.

Сев за стол, он открыл проект в очередной раз. Прослушал его целиком. От начала до конца.

Звук был неровным. Местами голос срывался. Где-то басы перегружались. Но это было неважно. Важна была суть.

Толик открыл заметки. Нашел текст песни. Прочитал его еще раз, вслух, но уже без музыки.

«Я так хотел жить мечтой, слепо доверяя своим...»

Строчки били точно в цель. Каждая буква была пропитана его болью, его надеждами, его отчаянием.

Он подумал о том, чтобы отправить трек кому-нибудь. Подруге? Другу? Но друзей у Толика не было. Были знакомые, с которыми он иногда здоровался в коридоре. Был Женя из параллельного класса, считавший себя рэпером. Но делиться с ними сокровенным? Показывать свою уязвимость? Нет. Это было бы равносильно самоубийству.

Оставался единственный вариант. Интернет. Анонимность. Толик зашел на сайт, где выкладывают любительскую музыку. Зарегистрировался под ником *Hollow_Tolik* (от английского hollow — пустой, полый). Загрузил трек. Поставил теги: #lofi #emo #rap #sadboy.

Описание написал короткое, но емкое:

«Одиночество имеет цвет. Мой — серый. Слушайте на свой страх и риск».

Нажал кнопку *«Опубликовать»*.

Через мгновение трек появился в общем доступе. Рядом с тысячами других песен, написанных такими же потерянными подростками со всех уголков страны.

Толик откинулся на стуле. Взгляд его упал на окно. За стеклом висела серая пелена ноябрьского утра. Завод не дымил. Город замер в ожидании зимы.

А в кармане его худи, спрятанный от посторонних глаз, лежал маленький черный предмет. Караоке-микрофон. Первый инструмент, который позволил ему перестать быть просто наблюдателем.

Теперь он был творцом. Архитектором своей собственной вселенной. Вселенной, где плачут небеса, и где есть место для замка из тумана. Пусть даже этот замок существует только в цифровом формате. Для одного слушателя. Для одной девушки. Для той, чьи глаза он видел вчера в отражении стекла.

Толик улыбнулся. Впервые за долгое время улыбка вышла настоящей. Немного грустной, но искренней.

Он создал что-то стоящее. И это стоило бессонной ночи в кладовке, полной пыли и воспоминаний.

Глава 7. Бумажный самолетик в никуда.

Понедельник всегда пах хлоркой и тревогой. Толик стоял у окна на лестничной площадке между вторым и третьим этажом, прячась за массивной колонной, подпирающей свод старой школы. Это было его любимое укрытие — идеальная слепая зона для дежурных учителей и место с лучшим обзором на входные двери кабинета химии.

В руках он сжимал сложенный вчетверо тетрадный лист. Обычная клетка, вырванная небрежно, край чуть надорван. Внутри этого куска бумаги билась жизнь. Его жизнь. Текст песни «Замок из тумана», переписанный от руки самым аккуратным почерком, на который только были способны его дрожащие пальцы.

Идея оставить записку казалась гениальной вчера вечером, когда он сидел в кладовке, завернувшись в одеяло. В темноте анонимность давала иллюзию смелости. Но сейчас, при свете тусклых ламп дневного света, план трещал по швам. Как передать? Подкинуть в рюкзак? Слишком рискованно — заметит, поднимет шум, начнут искать владельца. Передать лично? Ноги мгновенно превращались в свинцовую арматуру при одной мысли о том, чтобы подойти к ней вплотную.

Дверь кабинета химии распахнулась. Урок закончился. Поток восьмиклассников выплеснулся в коридор — гомонящий, гремющий сменной обувью, размахивающий пакетами со спортивной формой.

Толик вжался в стену глубже, натянув капюшон худи так низко, что тот почти закрыл глаза. Он превратился в тень. В часть архитектурного ансамбля школы.

Алиса вышла не сразу. Она задержалась внутри, разговаривая с химичкой Лидией Марковной. Толик видел только ее силуэт в проеме двери. Даже стоя спиной, она выглядела иначе, чем остальные. В ее осанке была какая-то врожденная грация, которой не учат на уроках физкультуры.

Наконец она попрощалась и шагнула в коридор. Толик затаил дыхание.

Она шла в потоке, но казалось, что вода огибает камень. Ребята расступались перед ней сами собой. Леха Смирнов попытался схватить ее за рукав, но она легко увернулась, смеясь. Смех рассыпался серебряными монетками, заставляя сердце Толика пропускать удары.

Он должен был действовать сейчас или никогда. Коридор опустеет через минуту, и тогда шанс будет упущен навсегда.

Толик сделал шаг вперед, выходя из-за колонны. Сердце забило набатом где-то в горле. Кровь пульсировала в висках так громко, что он боялся — этот стук услышат все вокруг.

— Алиса, — позвал он.

Голос предательски сорвался на первом слоге, превратившись в сиплый выдох. Никто не обернулся. Шум толпы поглотил его попытку заявить о себе.

Он сглотнул вязкую слюну. Попробовал снова. На этот раз получилось громче, хотя горло свело спазмом:

— Лисицина!

Она остановилась. Обернулась.

Это движение заняло долю секунды, но для Толика оно растянулось в замедленную съемку. Вот ее голова поворачивается. Вот каштановые пряди падают на лицо. Вот ее взгляд скользит по толпе... находит его.

Их глаза встретились. Расстояние между ними было метров семь. Целая пропасть, заполненная чужими спинами, рюкзаками и запахом столовой.

Толик поднял руку. В ладони был зажат бумажный комок. Он протянул его вперед, как подсудимый, просящий помилования.

Алиса моргнула. Ее брови сошлись на переносице в легком недоумении. Она явно не понимала, кто это там машет ей из сумрака лестницы. Для нее Толик Холодов все еще был пустым местом, функцией, заполняющей стул на задней парте.

Толпа двигалась, обтекая их. Кто-то толкнул Алису в плечо, возвращая в реальность потока. Она сделала полшага назад, инстинктивно уходя от столкновения, и оказалась ближе к лестнице.

Толик воспользовался этим. Он рванул вперед, лавируя между учениками. Это было похоже на брешь в плотине. Он чувствовал себя рыбой, идущей против течения. Легкие горели. Рука с запиской вытянулась до предела.

— Возьми, — прохрипел он, оказавшись прямо перед ней.

Леха Смирнов, шедший рядом, заржал:

— Ого, Холод решил выйти из криокамеры! Тебе чё, списать надо?

Толик проигнорировал его. Всё его существо сузилось до точки контакта: его пальцев и ее руки. Он вложил смятый листок в ее ладонь. Их кожа соприкоснулась лишь на мгновение — кончики его пальцев задели ее перчатку. Искры не вспыхнуло, мир не перевернулся, но Толику показалось, что его ударило током высокого напряжения. Он почувствовал тепло ее тела даже сквозь шерсть перчатки.

— Что это? — спросила она. Голос прозвучал удивленно, но без раздражения.

— Просто... посмотри, — выдавил Толик и тут же начал отступать.

Развернуться и уйти нормально он не мог. Мышцы спины одеревенели. Он пятился задом наперед несколько шагов, не отрывая взгляда от ее лица, пока не врезался спиной в кого-то из старшеклассников.

— Эй, слепошарый! — буркнул парень.

Толик развернулся и бросился бежать вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Он слышал, как сзади фыркнул Леха, но ему было плевать. Он взлетел на четвертый этаж, влетел в мужской туалет и заперся в дальней кабинке. Прислонился лбом к холодной кафельной плитке.

Что я наделал.

Записка была анонимной. Он не подписал имени. Только текст песни. Теперь она решит, что это шутка Грача. Или чья-то глупая выходка. Она выбросит листок в первую же урну, даже не развернув.

Толик ударил кулаком по пластиковой перегородке. Боль в костяшках немного отрезвила панику.

«Сделанного не воротишь», — подумал он. Оставалось только ждать. Ждать и наблюдать издалека, пытаясь уловить малейшее изменение в ее поведении.

Уроки тянулись бесконечно. Физика превратилась в белый шум. Геометрия — в бессмысленные пляски символов на доске. Толик сидел на своем месте, но мысленно находился в одном-единственном квадратном метре пространства — возле подоконника в рекреации, где обычно сидела Алиса.

Шла большая перемена. Толик занял свой пост — угол у стенда с расписанием экзаменов. Отсюда двор не просматривался, зато весь второй этаж был как на ладони.

Он увидел ее раньше, чем услышал. Яркое пятно красно-черной клетки (ее фланелевая рубашка) мелькнуло в толпе. Она шла не одна. Рядом, плечом к плечу, вышагивал Грач. Они смеялись над чем-то. Димка что-то рассказывал, активно жестикулируя. Алиса слушала, склонив голову.

Они прошли мимо него. Близко. Настолько, что Толик уловил запах ее духов — что-то дешевое, цветочное, приторное, купленное наверняка в переходе. Раньше этот запах показался бы ему божественным. Сейчас он вызывал только глухое раздражение. *На нем.* Запах Грача смешивался с запахом ее шампуня.

Толик сжал кулаки. Бит вчерашней записи снова застучал в голове, требуя выхода. Хотелось нажать на паузу. Выключить реальность.

Но тут произошло нечто странное.

Алиса внезапно остановилась. Прямо напротив стенда, где прятался Толик. Грач прошел еще пару шагов, прежде чем заметить, что спутницы нет рядом. Он обернулся с вопросительной улыбкой.

Алиса стояла, глядя на свои руки. Она медленно разжимала кулак.

В ее ладони лежал тетрадный лист. Тот самый. Развернутый.

Она читала. Медленно ведя пальцем по строчкам, написанным его дерганным почерком. Солнечный свет из окна падал на бумагу, подсвечивая ее снизу. Лицо Алисы находилось в тени, но Толик видел, как изменилось его выражение. Исчезла веселая легкость. Губы сжались в тонкую линию. Она нахмурилась.

Сердце Толика пропустило удар, а затем понеслось вскачь. Она читает. Она не выкинула. Она дошла до конца первого куплета.

«Я сам построил для нас замок из тумана...»

Ее палец замер на этой строке. Она подняла голову. Взгляд ее метнулся по коридору. Искал кого-то.

Грач подошел к ней, обеспокоенно заглядывая в лицо:

— Ты чего зависла? Привидение увидела?

Алиса вздрогнула. Быстро, слишком быстро скомкала листок в ладони. Сунула его в карман джинсов. Повернулась к Грачу и улыбнулась.

Но это была другая улыбка. Не та широкая, открытая, какой она смеялась над его шутками пять минут назад. Эта улыбка была... вежливой. Приподнятой маской. Механическим сокращением лицевых мышц.

— Все нормально, Дим. Просто голова закружилась. Пойдем.

Она взяла его под руку. Толик ожидал, что они уйдут. Но Алиса медлила. Она смотрела прямо перед собой, туда, где начинался поворот к лестнице на третий этаж. Туда, где десять минут назад стоял он.

Ее губы снова шевельнулись. Она что-то сказала Грачу. Тот пожал плечами, кивнул и пошел дальше один, махнув ей рукой.

Алиса осталась стоять посреди коридора. Одна.

Она достала листок обратно. Разгладила его ладонью на бедре. И начала читать снова, уже внимательнее.

Толик перестал дышать. Происходило невозможное. Люди не останавливаются посреди шумного школьного коридора, чтобы перечитывать анонимные записки. Люди выбрасывают их. Смеются над ними. Отдают учителям.

Она спрятала его слова в карман. Защитила от чужих глаз. А теперь вернулась к ним.

Она дочитала до припева. Толик знал эти строки наизусть. Он беззвучно повторял их вместе с ней, глядя на то, как движется ее кадык при глотании:

«Плачут небеса о любви и мечте...»

Ее плечи едва заметно дрогнули. Она провела рукой по лицу, словно смахивая что-то. Усталость? Сонливость? Или...

Звонок на урок резанул по нервам, как стекло по стеклу.

Алиса вздрогнула всем телом. Огляделась, будто просыпаясь от глубокого сна. Она заметила взгляды одноклассников, направленные на нее. Торопливо свернула листок в тугой шарик и быстрым движением отправила его в рот.

Толик похолодел. *Съела?* Нет. Она просто зажала бумажный шарик в кулаке, делая вид, что поправляет волосы, и быстрым шагом направилась в сторону кабинета литературы. Кулак был плотно сжат. Белые костяшки побелели еще сильнее.

Урок литературы велся для Толика на марсианском языке. Он смотрел на профиль Алисы, сидящей через ряд от него. Она больше не рисовала сердечки на полях. Она сидела неподвижно, положив руки на парту. Левая рука была сжата в кулак. Правая методично выстукивала по дереву ритм.

Ритм его песни.

Бум-бум-тс-с. Бум-бум-тс-с.

Она чувствовала бит. Она слышала музыку сквозь бумагу.

К концу урока кулак так и не разжался. Когда прозвенел звонок, Алиса встала последней. Она осторожно, двумя пальцами, извлекла из кармана скомканный, влажный от пота листок. Посмотрела на него секунду, а потом решительно порвала на мелкие кусочки и сыпала останки в пенал.

Выходя из класса, она прошла мимо Толика. Их траектории должны были пересечься. Он специально замешкался, завязывая шнурок, чтобы оказаться совсем близко.

Она посмотрела на него.

Впервые за полгода их совместной учебы Алиса Лисицина посмотрела на Анатолия Холодова осознанно. Не сквозь него, не мимо него, а *на* него.

Взгляд длился меньше секунды. В серой радужке ее глаз плескалось что-то непонятное. Вопрос? Узнавание? Страх?

Она прикусила нижнюю губу. Чуть заметно качнула головой — крошечное, почти невидимое движение отрицания. Словно говорила сама себе: «Нет, показалось».

И ушла.

Толик остался сидеть на корточках у парты. Шнурок был затянут намертво, впиваясь в палец.

Она прочитала. Она поняла, что это не шутка. Там, в тексте, слишком много конкретики, чтобы быть случайностью. Веснушки. Провод наушника. Крупица гречки.

Она знала, кто автор.

И вместо того, чтобы засмеяться или позвать учителя, она съела его слова. Впитала их в себя. Заперла в кулаке.

Это не было равнодушием. Равнодушие выглядит иначе.

Толик встал. Колени дрожали.

Это было гораздо страшнее и прекраснее равнодушия. Это было начало. Первая трещина в стене, отделяющей его серый мир от ее солнечного.

Он вышел в коридор, пошатываясь. Впервые за долгое время он шел не краем стены, а ровно посередине. И впервые за долгое время он не чувствовал себя невидимым. Потому что теперь где-то там, впереди, был человек, который точно знал, что он существует.

Глава 8. Тепло пластика.

Вторник принес с собой густой туман. Город утонул в молочной пелене, звуки стали ватными, а фонари напоминали размытые желтые пятна. Погода идеально соответствовала названию трека. Толик любил такие дни — они давали официальное право быть мрачным и неразговорчивым.

Но сегодня молчание давалось тяжелее обычного. Вчера Алиса посмотрела на него. Этот взгляд жег затылок всю ночь. Он прокручивал его в памяти, анализируя каждый миллиметр движения ее век. Что значило это отрицательное покачивание головой? «Уходи»? Или «Подожди»?

Нужен был следующий шаг. Записка сработала, но это был выстрел вслепую. Ему нужно было дать ей услышать звук. Настоящий звук. То, как эта боль звучит на самом деле.

Флешка.

Обыкновенная черная USB-флешка на четыре гигабайта, которую отец использовал для переноса чертежей. Старая, потертая, с царапиной сбоку.

Толик сидел в классе информатики. Монитор компьютера мигал заставкой Windows XP. Задание было простым — нарисовать чертеж детали в примитивном редакторе. Учитель дремал за своим столом, убаюканный мерным гудением системных блоков.

Рядом щелкал мышкой Витя Сомов. Толик покосился на него. Отличник, активист, любимчик учителей. Идеальный курьер. Безобидный. Никому и в голову не придет обыскивать его вещи.

План был авантюрным, почти безумным. Использовать чужой авторитет, чтобы пробиться к своей цели. Но другого способа передать файл незаметно не существовало. Положить флешку в ее куртку в раздевалке — найдут другие. Сунуть в учебник — может не заметить.

Толик дождался, пока Витя отвернется, чтобы стереть неудачную линию. Быстрым, отработанным движением — спасибо годам практики воровства булочек из столовой — он вытащил из своего рюкзака маленький черный прямоугольник и аккуратно, стараясь не шуметь, положил его во внешний карман расстегнутого рюкзака Вити.

Сердце ушло в пятки. Если Витя полезет за сменкой или книгой сейчас — всё кончено. Придется признаться, выглядеть идиотом, получить нагоняй от информатика.

Но Витя продолжал увлеченно рисовать гайку.

Закончилась перемена. Начался урок. Толик следил за временем, как хищник следит за добычей. За пять минут до звонка он наклонился к уху Вити и прошептал максимально непринужденно:

— Сомов. Слушай, дело есть. Можешь одну вещь сделать?

Витя повернул к нему свое чистое, честное лицо отличника.

— Ну?

— Видишь девчонку? Третий ряд, вторая парта. Лисицина. У нее в рюкзаке внешнем кармане лежит моя флешка. Я случайно положил. Перемести ее к себе, ладно? А после уроков скажешь мне. Только тихо, чтоб никто не видел. Родки меня убьют, если узнают, что я опять оборудование теряю.

Толик говорил уверенно, используя интонации человека, которому доверяют секретную миссию. Витя обожал чувствовать себя важным.

— Ладно, — важно кивнул Сомов. — Сделаю. Свой своему поневоле брат.

Урок тянулся вечность. Толик сидел ни жив ни мертв. Он представлял, как Алиса лезет в рюкзак за ручкой, нащупывает холодный металл флешки, вытаскивает ее... Что она подумает? Решит, что это вирус? Форматнет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.